

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

ГЕРМАН ГОРШЕНЕВ
ИЗОЛИРОВАННЫЙ СТАБ

ИДДК

S-T-I-K-S

Герман Горшенев

S-T-I-K-S. Изолированный стаб

«ИДДК»

2020

Горшенев Г. А.

S-T-I-K-S. Изолированный стаб / Г. А. Горшенев — «ИДДК»,
2020 — (S-T-I-K-S)

Маленькая коммуна, закрытая со всех сторон непроходимой чернотой, населённая людьми современными, но с домами двенадцатого века. Социальный эксперимент хозяев Стикса, где умения компенсируют недостаток технического развития. Главный герой – взрослый человек, уже проживший долгую жизнь, счастлив тем, что у него здесь просто спина не болит, а если нужно пройти через весь Стикс и вернуться обратно, имея в руках только палаш двенадцатого века и дурацкое имя, то это не повод иметь плохое настроение. Ах, да! Вы часто говорите с оружием, варите сосиски на горелке из шестидесятипятиградусного виски и ругаете свою детвору за то, что они опять скальпов нарезали? Нет? Странно.

© Горшенев Г. А., 2020

© ИДДК, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Командир ядерной пушки	7
Глава 2. Самое странное место Стикса	9
Глава 3. Шестопёр святого отца	11
Глава 4. Теории без ответов	13
Глава 5. Добрая Милая Крёстная	14
Глава 6. Как Иван Королём Артуром стал	19
Глава 7. Цитадель, стена и Дурка	22
Глава 8. Ушастая лучница – Эль-Маринель	24
Глава 9. На живца	26
Глава 10. Шухернее, пацаны	29
Глава 11. Явление Демократа народу	34
Глава 12. Домик Бабы Яги	36
Глава 13. Двенадцатеричная фаланговая система	39
Глава 14. Грядёт страшное	43
Глава 15. Ядвига Сороконожка – спасительница	46
Глава 16. Отмахались	48
Глава 17. Шефская помощь	50
Глава 18. В путь	53
Глава 19. Тяжёлое, но нужное умение	55
Глава 20. Жадные мурлы	57
Глава 21. Говорящие с оружием братья	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Герман Горшенев

S-T-I-K-S. Изолированный стаб

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Горшенев Герман

© ИДДК

* * *

Пролог

В небольшой комнате с тусклым светильником сидел мужчина неопределённого возраста, как и все здесь в Стиксе. Он очень натужно выводил аккуратные, как ему казалось, буквы в большой толстой книге: «Летопись первая. Сие есть правда, ибо происходившее записано из личного опыта и памяти, дабы следующим было о чём узнать и не потерялись эти события в летах». Открыв дверь, в комнату без окон зашёл человек с длинной бородой, лысый, вернее подстриженный под ноль, в рясе поверх кольчуги. В руках он держал здоровенную булаву. Вошедший посмотрел через плечо в текст:

– Добрая Милая Крёстная, кончай выпендриваться. Выпендриваться – сие не есть богоугодное дело, пошли лучше пожрём, а то ты всё со своей книгой. Нам уже выдвигаться скоро, зачехляй перо, времени зело мало, – и ткнул по-дружески в бок пудовым кулачищем с набитыми костяшками.

Глава 1. Командир ядерной пушки

Это был элитник, такой отличный, здоровый элитник. Не то чтобы самый большой, но и не маленький. Заражённые сюда постоянно приходят, чтобы в интересную игру поиграть – «получи в пасть ядро». Да, совсем не обязательно получить, и совсем не обязательно в пасть. Можно неплохо подкормиться, собственно, чем они и занимаются.

– Кошки! – проорал я.

Требушеты глухо стукнули. Кошки полетели к заражённым через узкую полосу непроходимой черноты. Истошный визг, шик, мяв. Как они могут издавать такие звуки, эти кошки? Я вообще-то сам кошатник, не очень люблю собак, больше люблю кошек, но собаки уже закончились. Вначале, конечно, были травоядные, потом собаки и только потом кошки.

Касаясь границы черноты, визг стихал. Тонкая полоска чёрной зоны была тонка и смертоносна. Там погибало всё живое за доли секунды, хоть человек, хоть кошка, хоть огромный отожравшийся элитник. Беспорядочно кувыркаясь в полёте, уже дохлая дичь падала за узкой, метров в сто, полоской черноты.

Сейчас там земли и не было видно. Заражённые набились так плотно, что стояли, упираясь плечами. Тела животных не успевали долетать до земли. Как в лучших фильмах про цирковых крокодилов клацали пасти, и мелкие тушки исчезали в брюхах тварей. Самое время. Упираясь плечом в тяжеленный ствол древнего ядерного орудия, немного довожу прицел. Орудие стреляет не разогнанными изотопами, а такими шарами из бронзы. Есть и из камня, но я использую самую последнюю разработку из чугуна. Лапка улыбающегося енота коснулась морды элитника. Это уже мой прицел – смартфон, примотанный к пушке тряпками. Тут у нас много странных поделок, и древнее орудие двенадцатого века с примотанным к нему смартфоном – не самая экзотика.

– Огонь! – заорал я.

Ба-а-ам!!! Ядро понеслось. Пудовое, так и написано – «Пудь». Реакция, конечно, у твари отличная. Всего какая-то сотня метров, но лёгкое движение головы – и ядро пронеслось мимо. Подкатываем тяжеленное орудие на исходную, ещё один прицел.

– Ядро!!! – и, повинуясь моей команде, в ствол запикивают ещё один чугунный шар.

Ба-а-ам! Хитрая тварь! Двигается на пределе видимости глаза. Очень быстрая.

Чем я тут занимаюсь?

Это у нас такая совместная охота. Подкармливаем заражённых на узкой полоске земли, зажатой между чернотой. Они сюда приходят раздобыть деликатесов, мы – потренироваться в попадании в них из пушки.

Ба-а-ам! Ещё одно ядро пронеслось. Ну конечно, из заражённых никто и не собирался уходить, но и никто не дожидался, чтобы в него попадали. Мимо. Надо что-то попроще. Ага. Вот! Вот этот немножко поспокойнее или поглупее. Или? Или не знаю, что у них там в голове. Лапка енота на прицеле смартфона опять коснулась морды элитника. Отставить морды! Не надо морды, надо тело. Он зажат между двумя огромными руберами. Вот же отожрались где-то. А где? Тут и отожрались.

– Огонь! – ору я и подношу фитиль.

Кричу для того, чтобы все руки убрали. Древнее орудие при выстреле отскакивает, как бешеный заяц, и, если кто окажется рядом, то переломы гарантированы.

Ба-а-ам! Всё! Готов! Попал! Пудовое ядро не смогло пробить кожу, но прекрасно перемололо кости и внутренности. Всё-таки пуд чугуна – это что-то для здоровья не очень полезное. Конечно, ещё живой, они очень живучие твари, но ничего, задёргался и тут же попал под раздачу. Свои начали рвать, и теперь надо всех распугать.

Два требушета стукнули почти одновременно. Какая-то мелкая живность, кошки, собаки, барсучки-бурундучки, всё, что мы смогли наловить, лишь бы живое и много, разлетелось вправо и влево от места, где несколько тварей драли раненого элитника.

Наша живность к порядку уже приучена. Теперь они знают, что будет. После того как их прикормили, справа и слева, в месте, где лежит раненая тварь, начнётся ад. Не дожидаясь залпа, твари побежали в стороны, бросив разодранный труп бедолаги.

Даже если все разбегаются, мы всегда даём залп. Пусть не отвыкают. Пять орудий, ещё более древних, чем моё, стреляли последовательно импровизированной картечью. Вместо картечи мы использовали камни, вытасченные гвозди, наконечники стрел и всё, что появилось на кластерах с древними домами и не подверглось механической обработке. Просто пугать по принципу – добрым словом и пистолетом. Те, кто не захочет пожрать справа или слева, попадут под раздачу. Начинаем стрелять медленно, с интервалом, с чувством достоинства.

Ба-бах! Целиться не надо. Когда стреляешь картечью, вместо прицела можно компас использовать. Ждём двадцать секунд. Ба-бах!

Мужики тащат удочку. Так мы называем пятиметровое нечто, с помощью которого мы забрасываем древний крюк, привязанный на верёвке из наших волос. Чернота уничтожает почти все предметы мгновенно, кроме древних предметов и волос иммунных, которые у нас выросли уже здесь. Подобным творениям чернота даёт минут двадцать, прежде чем разодрать в клочки. Вполне хватает, чтобы попробовать притащить труп заражённого к нам.

Мужики как на рыбалке забрасывают крюк на ту сторону. Уже неплохо приловчились. Чернота нашу штуку разрывает бросков за десять, а волосы растут медленно, да и попыток у нас не густо. Кидаем, промахиваемся, вытаскиваем и снова забрасываем. Хреновые нынче рыбаки, это вам не Шимано кидать. О! Зацепили, отлично, тащим, сорвалось, но уже нормально. Теперь труп элитника в черноте, никто нам не мешает, не оттащит тушу в сторону, не лишит нас нашего спорового мешка. Кончик лапы показался на нашей территории, зацепили баграми – затащили. Вот и первый на сегодня трофей.

Всё, прикормка закончилась. Несколько дней обойдёмся без охоты, а там уже и кластеры перезагрузятся, и новой прикормки как раз наловим.

Глава 2. Самое странное место Стикса

Вся окружающая нас территория похожа на гигантскую прилепленную к Пеклу кривую звезду с лучами, огороженными тонкими полосками черноты. Наши соседи могут проходить через центр звезды, да и в самой черноте немало дыр. Аномальная зона выполняет функцию барьера с небольшими проходами. Над нашей территорией Стикс решил поиздеваться основательно. Мы полностью изолированы. Наша маленькая коммуна расположилась в конце длинного узкого луча, на единственном крохотном стабе, а дальше вниз пошли кластеры, которые время от времени перегружаются. Иногда перегружаются все сразу, иногда по очереди. Всё это отхвачено чернотой у самого настоящего Пекла, и только узкая полоска аномальной зоны не даёт огромным тварям ворваться на нашу территорию. Мы каждый день видим элитников в паре сотен шагов, уже привыкли, как посетители в зоопарке.

Наша чернота особенная. Не такая, как везде. В ней мгновенно погибает вся электроника, электрика, точная механика, неточная механика, живое, неживое и всё, что младше говна мамонта. Это правда. Говорят, чернота имеет временное смещение лет в шестьсот, и любой предмет, не пришедший к нам со времён Ивана Грозного, разрушается за доли секунды. Почему я это знаю? А потому, что люди у нас современные, из самого что ни на есть двадцать первого века, а кластеры нам достались старинные. Пробовали определять – век двенадцатый-четырнадцатый, не старше. Так что предметов лубочной старины у нас хоть отбавляй, только из современного к нам может попасть только то, что найдём в карманах заражённых. А самое главное, что закрыты мы со всех сторон, как тараканы в стеклянной банке. До наших соседей метров пятьсот, руками можно махать, но пройти или предмет передать нельзя, всё наша чёрная поганица уничтожает.

Мужики уже затащили обглоданного элитника на нашу территорию и потрошат споровый мешок. Заражённые почему-то никогда не едят хранилище споранов, и это хорошо, нам больше достанется. Это моё умение, я его почти не осознаю, но когда лично выбираю цель, то добычи с заражённых значительно больше, чем у других. Теперь я бессменный наводчик и командир расчёта. Сколько ни пробовали меняться – у меня всегда добыча круче.

– Ну, ты, Добрая Милая Крёстная, и дал! Как обычно! Как ты их узнаёшь? Смотри, одна розовая, две красные, десятка полтора чёрных жемчужин и сотни две горошин!

Это меня сейчас похвалили за моё умение выбирать добычу и ловко управляться с чугунным бревном с дыркой для ядра. А вы думали, я это пушкой называть буду? Пушки появились позже, а это и есть бревно с дыркой. Радуются мужики как дети, а я, как обычно, сейчас буду настроение портить, и спрашиваю:

– А сколько споранов?

– Ну, с десятка три, – неуверенно так отвечают. Дошло, наверное.

– Хреново. Вот вы никак не поймёте, что чёрные жемчужины и горошины – это сейчас бесполезная вещь. У нас этих горошин два мешка, и чёрного жемчуга бочка стоит! Кто его ест? У нас сто пятьдесят рыл, и народ что-то не очень горит становиться квазами, а живчик каждый день готовим. Мы и на треть людей не набрали! Скоро мы весь леспромхоз на спораны вырежем, а хватать не будет!

Это всё перекосы местной географии. У нас в этой звезде прикормлена очень и очень серьёзная элита, поэтому мелочёвка не приходит, вот мы крупняк и бьём. Бывает, добываем огромную, мощную тварь, и она тебя одаривает бесценным красным жемчугом, горстью чёрного, нереальным количеством горошин, а вот споранов почти нет. Вот как сейчас. Огромный элитник тонны под две, и что? Десяток споранов? Тут в каком-нибудь топтуне или рубере спораны могут быть сотнями, а в элитниках спораны почти полностью исчезают, а живчик пить необходимо каждый день.

Посмотреть на результаты охоты лично вышло наше верховное начальство – сам Король Артур. Он по жизни Иван, но не прижилось. Это тоже одна из странностей нашего места – длинные имена, а моё аж из трёх слов, и сокращать нельзя. Наш начальник заорал командным голосом:

– А ну, демократы, кончай базарить! Занялись делом!

Мужики забежали, как обычно, порубили тварь в полутуши, затем на куски. Нагрузят телегу и отвезут мясо в леспромхоз. Мы так несколько кластеров называем, где заражённых доращиваем.

Прибежала взмыленная Зойка Буфетчица:

– Кластер перегрузился! Теперь к церкви можно пройти, дорога открылась!

Ох, как долго мы этого ждали! Надо срочно бежать. Всё бросаем, тут мужики сами разберутся, а меня хватают под руки и тащат. У нас сильнейшие рукопашники, а я бегаю как обычный человек.

Запыхавшаяся Зойка Буфетчица выдохнула:

– Эль-Маринель Ушастая рясу видела, телефон у него, далеко вроде не ушёл, можно догнать. Он там долго простоял. Туда-сюда шныряет.

Речь шла о батюшке. Батюшка перерождается почти всегда, а его телефон – это наша основная добыча в церквушке.

Глава 3. Шестопёр святого отца

Мобильник святого отца – это основной трофей охоты, который мы всегда с нетерпением ждём. Батюшка Айболит говорит, что телефон к нему попал, когда куличи святаили. Какие чувства мотивировали того «быка», Батюшка не знает, но в корзинку, куда бабушки складывали куличи, крашенные яйца, сальце и бросали мелкие денежки, один крепкий пацан с золотой цепью в полтора пальца и несколькими шрамами на голове, положил мобилу. Огромный прорезиненный лапоть, называющийся Сам-хун-юнг. Название каждый раз новое выпадает, у нас даже загадывают, какое в этот раз будет. Ни разу ещё не повторялось, чего только не было! Такое ощущение, что китайцы компенсируют короткие имена богатством фантазии.

Батюшка мобильником долго пользовался, а потом внук установил прицельную программу. Если вы танкист, или артиллерист, или снайпер, или ещё кто-то, не ожидайте увидеть знакомую прицельную сетку и расчёт баллистических таблиц. Да! Считайте, что у вас крышу сорвало – это будет енот!

Енот указывает лапкой, куда попадёт ядро. Если нужно уточнить расстояние до цели, то наводишь и два раза нажимаешь, тогда у животного облачко из-под хвоста с цифрами вылетает. Кто-то с большой фантазией программу писал, но детям нравится. Ставим телефон Батюшки на моё оружие. А как иначе из древнего оружия в элитника попадать? Вот только ломается он выстрелов через двадцать, приходится ждать новой перезагрузки. При той элите, что тут прикормлена, такого количества выстрелов совсем не много.

Я тоже бегу. Основу нашего выживания составляют те, кого Стикс наделил рукопашными умениями. Могучим бойцам наше странное место дарует фантастическую силу и выносливость. Зато мне, кроме моего величайшего и уникальнейшего умения, ни фиги ничего не даруется. Бегу, еле ноги переставляю.

Опа! Вот это я люблю! Вначале все смеялись, а потом уже вошло в привычку. Настя Лёня подхватили меня под мышки и тащат, почти несут, я ноги чисто символически переставляю. Намного быстрее выходит, чем я сам ковылять буду. Силищи у них дуром, я для них как пушинка. Может, предложить, чтобы себе на шею сажали?

Всё, мы на месте. Чёрная тень метнулась на краю видимости глаза. На этот раз переродившийся святой отец был быстр, как никогда, но шестопёр Батюшки Айболита был быстрее. Наш святой отец всегда любил говорить: «Это оружие не делает много крови». Крови-то оно не делает, только череп проламывает, грудную клетку пробивает или ломает позвоночник, а так-то да, вроде крови и не будет. Но не в этот раз. Удар был ужасным. Именно тот один раз на сто тысяч, когда кровь есть.

Удар пришёлся наискось, и голова отлетела в сторону несколькими кусками. Что там было повреждено – загадка, но кровища была фонтаном, метров пять вверх и по сторонам. Святому отцу позавидовал бы любой спартанец. Измазан весь, от лица до башмаков. Подбегаю:

- Ну что, Батюшка Айболит, лут выпал? Что за модель в этот раз?
- Птху на тебя! Изыди, нечистый!
- Хорош шестопёр! Испачкались? Опять ряску скинете и будете в труселях ходить?
- Святому человеку стыдиться нечего!

Шутка! Разумеется, в перемазанной в крови ряске ходить не стоит, даже такому суровому рукопашнику как Батюшка Айболит, тем более в церкви с десяток постиранных и поглаженных ряс всегда найдётся.

Очень интересно, как на этот раз мобила называется? Главное, что телефон добыли, теперь проблем со следующей охотой не будет.

У Короля Артура зазвонил мобильный:

– Что? Вашу мать! Опять этот Демократ! Какого? – посмотрел на Настю Лёню. – А вы что стоите? Надо было вам его отпускать? Вы же видели, кого отпускали! Вот теперь идите и ловите своего Демократа, как хотите!

Есть у нас тут один товарищ.

Король Артур к нам из другого мира попал. Советский Союз не удержали, но Россия социалистическая – две копейки трамвай, рубль с квартиры коммунальных платежей и в больницы ничего кроме цветочков и апельсинов не носят. Никому и в голову не придёт, что в больницу надо лекарства носить. Две копейки за трамвай – это на копейку дешевле, чем в мире, из которого я в Стикс попал, а «демократ» у них означает то же самое, что и у нас. Вот уж действительно мультиверсум.

Наш начальник продолжал, грозя кулаком:

– Кластер с фермой перегрузился, ваш Демократ в сбруе приходил, половину скотины порезал, схватил двух собак, вместе с цепями уволок и сбежал. Доигрались? Если он такой хитрый, надо было придушить, а не украшать. Вот идите и ловите. Хорошо хоть на людей не охотится...

Этот заражённый, которого Демократом называют, попал к нам с перезагрузкой одного из кластеров. Одет он был в белое и блестящее, по последней моде Элвиса Пресли. Шустрый, он быстро сориентировался и добрался почти до фермы. Настя Лёня тогда ему ноги поломали и отволокли в леспромхоз на доращивание, потом лотерейщика поймали, опять он там лазил. Они ему ноги снова поломали и отволокли куда следует. Тогда рукопашники ему шутя сбрую надели, они его по остаткам вот этой блестящей одежды узнавали. Нарядная лошадиная одежда из добротной кожи в клёпках и ленточках была немного великовата, но держалась крепко.

Настя Лёня не маньяки, которые ноги любят ломать, просто технология выращивания заражённых такая. Тех, кто из леспромхоза выскакивает, мы калечим и обратно оттаскиваем. Там их либо съедают, либо они отъедаются, но никто до этого не возвращался. Заражённого нарядили для того, чтобы знать, что если вернётся, то придушить.

Он регулярно возвращался, но завидев Настю Лёню, бросался убегать. Всё время хитро прятался. Мы заражённых выше рубера не доращиваем, очень уж они опасные, как подрастут, но этот при виде Насти Лёни сбежал. Демократ появлялся в самых неожиданных местах, резал скот, крал запасы мяса и сбегал. Что мы только ни делали – и облавы устраивали, и на скотину приманивали. Хорошо ещё, что с его хитрованским характером он людей резать не стал. Бывает, наловим для охоты кошек, собак, мелочь всякую, так мужиков распугает, клетки ломает, всех порвёт-пожрёт и бегом. Мы его который месяц отловить не можем, уже элитник, а повадки те же самые.

Запомнил он Настю Лёню, как они рядом, так ему ноги ломают. С этих пор, словно заяц трусливый, как завидит рукопашников, сразу бегом наутёк. Собственно, поэтому он и жив до сих пор. Как он нас всех тут достал! Рано или поздно сорвётся, обязательно начнёт убивать, но как его отловить, ума не приложим.

Глава 4. Теории без ответов

Что тут происходит? Это и для нас большая загадка! Наш стаб и прилегающие к нему кластеры вообще ни на что не похожи. Закрытые чернотой со всех сторон маленький стаб и группа кластеров отрезаны от всего мира. Мы, небольшая коммуна, где происходят странные вещи.

Есть немало предположений по поводу нашего появления здесь и условий обитания. Возможно, это пьяная и тупая шутка хозяев Стикса, или затянувшийся перемудренный эксперимент, или по-русски – начали что-то делать и забыли (читай – забили), и ещё несколько сотен вариантов.

Над нами решили поиздеваться. Люди у нас современные, из двадцать первого века, а вот всё остальное окружение древнее, века одиннадцатого-двенадцатого.

Одного красавчика принесло с капсулой виртуальной реальности. Низ капсулы остался там, а красавчик и верх оказались здесь. Мы потом из крышки его капсулы дверь в бункер сделали, даже танковый снаряд не пробьёт! Красавчик ничего тяжелее сенсорного управления в руках не держал, а теперь любимое оружие – ухват. Что это такое, он знал, но в руках держал впервые. Между прочим, изб, где есть печь, как мы её понимаем, в которую горшки ухватом сажать, прилетает всего несколько штук, остальные топят по-чёрному.

Теперь любимое оружие. Так удобно – всунуть шею заражённого, и потом бам! Ну. куда, 2,15 роста, всё-таки отожрут наши будущие потомки на биологически активных курицах и фастфуде, ни одна шея тварей не выдерживает.

Вот так и живём. Прилетают у нас люди современные, а терема старые. Пробовали определять век поточнее, больше четырнадцатого ну никак, не больше. Только-только на Руси порох появился, есть и пищали со стволами, которые двум взрослым мужикам поднять тяжело, а пушки... пушки это нечто, вообще ни на что не похоже.

А! Вот ещё что. Спасибо!

Спасибо тому мудрому человеку, тому гениальнейшему человеку, который придумал в базовой станции мобильного провайдера все частоты разблокировать, разрешить. Теперь любое GSM устройство, неважно из какого мира оно попало, получает сигнал. На новые телефоны, появляющиеся в сети, наши соседи делают звонок. Пытаются что-то объяснить. Кто-то верит, кто-то нет, кто-то уже не берёт телефон, поскольку ему кого-нибудь поест бы, или уже кого-то ест. А кто-то выходит на точки защитных групп. И у нас тоже появилась мобильная связь. Теперь у каждого из нас в кармане по мобиле. Мы вообще красавчики – бабы в кокошниках, сарафанах, мужики в сапогах, шароварах, рубахах-косоворотках, зато все с мобилами.

Глава 5. Добрая Милая Крёстная

Я сюда попал старым. Ехал в машине, потом был кисляк, но это я позже узнал, а так, туман как туман. И вдруг меня, уже без машины, швырнуло в кусты, прилично долбанув об землю. Пара минут ушла, чтобы прийти в себя от удара и осторожно встать на ноги. Я пошевелил руками, затем ногами и понял, что бодр, весел, и у меня ничего не болит! Когда вам пошёл хренадцатый десяток, а мне тогда уже далеко за хренадцатый десяток был, и вы понимаете, что у вас ничего не болит, единственное объяснение – умер.

Однако я оптимист, поэтому процентов десять-двадцать отложил на всякое там – другой мир, апокалипсис и прочие невероятные варианты, но действовал по базовому плану. Вокруг меня были монстры и другие иммунные. Увидев мою уверенность и понимание происходящего, ко мне подтянулись молодые, сильные, но перепуганные и растерянные люди. Они тупили по-чёрному, но могли действовать, а я пытался объяснять происходящее окружающим, как сам понимал в то время.

Антуражу добавляли валяющиеся повсюду грудями обглоданные кости, отстрелянные дульнозарядные пищали, древние пушки, горы колюще-режущего оружия, дымили заваленные обгоревшим гнилым мясом рвы, а высокие каменные стены были замазаны кровью снизу доверху.

С первого взгляда было понятно, что оружие не из «Властелина Колец», а из чьей-то больной фантазии. Ржавое искривлённое оружие валялось грудями между обглоданных костей, а посреди этого безобразия бегал я – дедок, в полной уверенности что умер, и теперь ему надо осваиваться на новом месте пребывания, пока за ним не пришли крылатые чуваки из распределительной команды.

В нашей компании были даже офицеры, в настоящей офицерской форме. Как я на них орал, хватал за шиворот и материл, пока они в себя не пришли и не начали вести себя, на тот мой взгляд, адекватно. Очень даже боевые офицеры, но в этой ситуации они совершенно растерялись. Разбросанные повсюду обглоданные кости, древние орудия и валяющиеся мечи, щиты и копья вводили их в ступор. Я, будучи уверенным в варианте номер ноль, на взгляд моих товарищей действовал вполне разумно и наверняка знал всё, но никому не рассказывал. Ха!!! Я до сих пор много чего о том времени не рассказываю. Неудобно. Стыдно.

Впоследствии, конечно, появились лидеры из офицеров, которых я матюкал и пинал на первом этапе. Они и возглавили нашу небольшую коммуну и борьбу за выживание. Но с тех пор у всех сложилось устойчивое мнение, что я больше всех знаю.

Те, кто видел меня лично в первые дни, подкрепили уверенность остальных и зрительным образом. Ах, как я скакал вприпрыжку, бегал, лазал на деревья и спрыгивал с двухметровых сараев! Всё это делал, имея лицо того старика, которому далеко за хренадцатый десяток. А что? Почему бы и не да? Посмотрел бы я на ваше поведение, когда вдруг спина не болит и вообще ничего не болит!

Современного оружия у нас не было. Использовали мечи, топоры, древние пищали, луки и копья, зато Стикс щедро раздал многочисленные умения, полностью компенсировавшие недостатки технологий. Наши соседи, с которыми мы по мобильникам разговаривали, удивлялись количеству даров Стикса. Я думаю, Стикс одаривает уникальными умениями, компенсируя недостаток огнестрельного оружия.

Одно из наших любимых занятий – поболтать с соседями, хотя связь отвратная. Соседи за голову хватались от наших рассказов, и поверить не могли, какие умения у нас появляются, и какими древностями мы убиваем заражённых.

Я очень переживал, что мне никакого особого умения не досталось. У наших бойцов уже по несколько полезных, а кое-кто и считать бросил, а вот я всё никаким хорошим умением не обзавёлся.

В один из вечеров, когда мы через черноту рассматривали соседей и общались по телефону, мне на глаза попался силуэт девочки рядом с высоким человеком в камуфляже. В трубке я слышал только тонкий детский голосок, обращающийся к мужчине. Я вдруг понял, что могу сделать. Предположение было невероятное. Мне показалось, что я смогу сделать малышку иммунной. Очень осторожно, боясь спугнуть своё сумасшествие, попросил своего собеседника передать ей трубку.

– Привет! Тебя как зовут?

– Эллоизочка!

– Как?!

– Эллоизочка! – возмущённо произнесла девочка, и тут же решила наградить мои свободные уши жуткой историей, – Мне дядя Крот зайца принёс, им уши оторвали. Дяде Кроту ухо откусили, а Степаше ухо оторвали! Дяде Кроту хорошо, у него новое выросло, а Степашке больно, ему надо пришивать.

– А у меня в детстве был жираф. Я с друзьями ему голову оторвал, а потом сами пришили. Шея у него короткая получилась. Все думали, что он лошадь, а он жираф, – поддержал я разговор.

Я почти час говорил с девочкой об игрушках, имеющих функциональные нарушения опорно-двигательного аппарата, вызванные травмами. Мы говорили о жутких монстрах, откусывающих ноги. Обсуждали, как удобно, когда ноги отрастают, и как плохо, что игрушкам их приходится пришивать.

На меня накатило странное ощущение ужаса и восторга. Теперь я точно знал, что она с нами, с иммунными. Дрожащим от волнения голосом я попросил малышку вернуть телефон взрослым. Телефон взял мужчина в камуфляже, который стоял рядом и внимательно слушал всю нашу беседу.

– Слушаю, – раздалось в трубке.

– Я Эллоизочку уговорил стать иммунной. Кажется, наверное.

– Мужик, так не шутят.

– Я как-то и не подумал шутить.

– Ты вообще понимаешь, о чём с ребёнком говорил? У тебя с головой всё в порядке?

– Представления не имею, – ответил я. Ответом мне была брошенная трубка.

Я без сил сел на землю и только сейчас убрал от уха экран телефона, по которому текли струи пота. Вся одежда была мокрая, хоть выжимай. Сил стоять не было.

После моего разговора с ребёнком наши соседи не общались с нами три недели. У них был ступор. С нами никто не разговаривал, телефон не брали, но и мобильную связь не отключали. Затем их начальник позвонил Королю Артуру, и руководители общались по поводу меня.

Знахари однозначно пророчили этой девочке участь заражённой и намекали на то, что надо бы озаботиться белой жемчужиной. Теперь все в один голос говорили, что всё будет хорошо. Девочка точно иммунная. Человек в камуфляже оказался командующим всей их артиллерией, по имени Механик. Девочка была его дочерью. Что тут началось!

Базовая станция прошла глубокую модернизацию, чернота, по-прежнему могла внести коррективы на своё загадочное усмотрение, но качество связи заметно улучшилось. Сигнал из отвратительного и почти никакого модернизировался в уверенно хреновый. Начали появляться новые лица, как взрослые, так и детские.

Одарил, оказывается, меня Стикс величайшим и редчайшим умением – убеждать местных детей, что родились в Стиксе, не перерождаются. Умение было не абсолютным, процентов

на десять, но с учётом огромного дефицита белого жемчуга, для большинства детей это был единственный шанс остаться людьми.

Приходили отдельные семьи с детьми, иногда прикатывал БТР, и из него выводили стайку малышей. Как-то приезжали хитрованы на очень крутых по меркам Стикса бронированных тачках и в очень дорогих прикидах. Мне удалось уговорить довольно много детей, больше чем один к десяти. Наверное, они их как-то подбирали, почти половину уговорил. Сказали, что, если будет нужна помощь, если вдруг выберешься из этой своей черноты, то можешь на нас рассчитывать. Вот только как нам ништяки передать, они не знают, но должок за ними, а они этого не забудут. Короче, классика – «Будешь у нас на Колыме», заходи, отбашляем. Я вообще никогда вопрос оплаты не ставил, да и как тут что-то передать?

Регулярно приходили нео. Мы их называем нео, а они себя – новые люди! Они за Пеклом живут и обладают космическими технологиями. Помню их первый приход к нам. Прошли на шагающем танке напрямую через Пекло, с другой стороны кластеров. Наши соседи глазам своим не верили. Танк совсем не такой, как в «Звёздных войнах», совершенно не похож. Дарт Вейдер от зависти умер бы. Сразу видно, что эту машину для боя проектировали, не кино. Новые люди на своём шагающем танке по Пеклу, как у себя по хутору бродят. Они несколько раз в год приходят, но пройти к нам через черноту не смогли. Что-то сделали с базовой станцией у смежников. Если мы раньше без связи могли и неделю сидеть, то теперь, если бы полоска уровня сигнала могла выпрыгнуть за экран, то выпрыгнула. Вообще ниже полной не опускалась.

В первый раз привезли восемь детей. Я с ними со всеми подолгу говорил. Убедил не перерождаться пятерых, остальных нет. Они меня спросили, всё ли точно, один раз, потом второй раз. Нео всё спрашивают по два раза, и по два раза получают ответ. Потом одно молниеносное движение, и три детских тела уже на руках огромных бронированных монстров. Они своих детей убили, которые переродятся. Экзоскелет у них или скафандр, непонятно, но бронированное и боевое. Жутко всё это, но я сделал что мог. Не могу я всех уговорить.

Тогда они больше ни с кем не общались. Три дня ходили по кругу, что-то жгли, что-то пели, а потом погрузились на броню и ушли. Мда-а-а-а, видно с белым жемчугом плохо даже у них. Говорят, скребберы трусливые твари, если силу чувствуют, то сбегает при любой опасности. Если у обладателей шагающих танков проблемы с белым жемчугом, что детей вот так режут, что через всё Пекло протащили, то я даже не представляю, какова ценность этих белых шариков.

Приходили ещё много раз, только уже не подходили к смежникам, а высаживали детей прям на той стороне черноты, где мы тварей прикормили.

Нео привозили очень много детей, иногда до полусотни, и все местнорождённые. Всё повторялось. Я из кожи лез, чтобы как можно больше детей уговорить. Делал что мог, больше никак. В Стиксе детей рожать страшно, и рождение ребёнка скорее случайность. Такое количество местных детей у нео – просто аномалия.

Ах да, я не представился! Я Добрая Милая Крёстная, такое имя мне дали, я не хотел, так получилось. Когда мы тут только появились, у нас на стабе с именами был полный порядок. Все имели собачьи клички в одно слово, а потом, как у меня умение обнаружили, пришёл странный дедок. В Стиксе стариков нет, даже я до сорока отмолодился, а дедок был именно стариком. Он припрыгал на одной ноге и с двумя искалеченными руками. Конечности сильно пострадали, а его трясло. Откуда он взялся, непонятно, он не с перегрузкой пришёл, а был иммунным. Мы все сбежались, а дед, как меня увидел, разодранной рукой мне в грудь тычет, глаза выпучил: «Ты! Это ты! Ты как Добрая Милая Крёстная из сказки про Золушку, для всех детей возможность единственная в богомерзких тварей не выродиться. Берегите его и оберегайте, и будет его дар сохранён».

Глазами водит, а с ран кровь стекает. На спину упал и продолжает: «Так его и называйте – Добрая Милая Крёстная, и дар его будет с ним, пока его правильным именем называете. И вокруг него люди должны быть с человеческими именами, а не собачьими кличками. Имя и фамилию человеку не случайно дали. А собачьи клички свои забудьте, нет их теперь. Полюдски называться должны. В имени хотя бы два слова должно быть».

Сказал и умер. Скотина! В Стиксе с суевериями всё очень плохо, и с тех пор повелось, что я Добрая Милая Крёстная, и сокращать моё наименование не собираются, и у всех остальных два слова в имени. За мой дар боятся. Даже Батюшка Айболит, крестом и огнём выжигающий мракобесие, сделал для моего случая исключение.

Ха-ха! Вот уж наивный чукотский старикашка. Можно подумать, от того, что два слова в имени, что-то поменялось. Вот, например, Зойка Свинюка.

Человек случайно зашёл в продуктовый ларёк, в железный вагончик с маленькими окошками и убогой надписью. Так её сюда вместе с вагоном и кинуло.

Если вы думаете, что главное, чтобы пережить осаду заражённых, нужна еда и вода, таки да, а ещё главное, чтобы был туалет. Вот так мы её и нашли на третьей неделе – по запаху. Всё это время заражённые стучали в стены и крышу ларька. Практически уже разодрали. Но мы успели. Три недели в железной будке, на солнце. Ё-моё...

Зойка Свинюка – она, конечно, была против, но имя прижилось.

Ядвига Сороконожка, Гость из Будущего, Эль-Маринель Ушастая – хорошие имена? Подробностей-то старикашка не уточнил.

Ещё Батюшка Айболит – в церквушке он своей прилетел вместе со старушками. В наших изолированных кластерах со временем перерождения большая беда. Люди в заражённых превращаются минут за десять-пятнадцать. Есть кластеры, с которых так и не получилось ни одного иммунного вытащить, потому что просто не успевали. Пока добежишь, новичков уже в клочья порвали.

Так вот, когда старушки обернулись и собачонку церковную есть начали, он животное спас. Псине старушки ногу почти отъели. Батюшка собаку отнял, старушек раскидал, так на руках с собакой и бегал. Когда мы подоспели, он ещё и паре мертвяков, пришедших с соседних кластеров, ввалить успел. Вот так – Батюшка Айболит.

В бою мы друг друга коротко называем. На проповеди так и сказал:

– В бою можно. Вместо Эль-Маринель Ушастая – просто Ушастая, вместо Зойка Свинюка – Свинюка. Меня можно вместо Батюшки Айболит называть Батюшка.

Что-то намудрил, конечно, святой отец, а моё имя сокращать нельзя!

Ух, попадись мне этот гадкий старикашка в другой жизни!

Есть ещё двое, о которых нужно рассказать отдельно. Настя Лёня – близнецы. Собственно, они никакие не близнецы, и не Настя и Лёня. Они муж и жена, и у них ребёнок. Ребёнок, с которым мне до сих пор не удалось договориться не перерождаться. Небезнадёжный ребёнок, он начинает меня слышать и почти соглашается не перерождаться, но потом замыкается в себе, и опять никак. Каждый день вижу и спрашиваю, готов ли он к разговору. Но нет, пока не могу уговорить. Настя и Лёня мечтают о подстраховке – мечтают о белой жемчужине.

Они бойцы в душе и сознательно выбрали путь квазов. Если мне не удастся договориться с их чадом, то они должны быть готовы убить скреббера сами, если вдруг, конечно, произойдёт чудо, и они его встретят. Настя Лёня наша главная ударная сила. Сейчас это два гиганта в полтора человеческих роста, покрытые роговыми пластинами и размахивающие своими стокилограммовыми секирами как бамбуковыми палками. Да, они знают, что выглядят не очень. Они всё делают ради ребёнка. Мы скармливаем Насте Лёне львиную долю чёрных жемчужин. Я сам видел, как один рубер увернулся от их секир, но кто-то из них схватил его лапищами, а другой голову оторвал. Голыми руками – как котёнку.

Настя Лёня сильно переродились. Издали они вообще не различимы, так и повелось – Настя Лёня. По отдельности близнец-Настя и близнец-Лёня, а вместе Настя Лёня, вроде так и так два слова в имени, зачёт для нашего сумасшедшего, суеверного стаба.

Если серьёзно, то тот хитрованский дедок задел за живое. Если бы он дал гарантию что, если мы себя не будем называть по имени-отчеству, то третья нога отрастёт, народ бы только посмеялся. Но дедок попал в точку, проехался по самому-самому. Мы живём долго, и есть у нас подозрение, что мы жить можем бесконечно, у многих могут родиться дети. Мало того, что белый жемчуг – это величайшая редкость, так мы ещё и живём в изолированном кластере, а иметь для своего ребёнка пускай всего десять процентов вероятности, это на очень-очень много больше, чем иметь один процент.

Один к десяти или один к ста. Улавливаете? Именно поэтому моё имя такое долгое и сложное, именно поэтому все называют друг друга в два слова, и если нет на то острой необходимости, стараются не сокращать. Может, всё это и фигня, и выживший из ума дедок случайно так попал. Сказал бы он что-нибудь другое, наш народ бы забил бы на это дело сразу, а тут самое-самое.

Одним из первых детей, был ребёнок Насти и Лёни, рождённый, когда они людьми были. Как нам рассказали соседи, дети перерождаются по весу. Нам нужно было время, чтобы я успел уговорить не перерождаться. Кормили ребёнка не просто мало, его микроскопически мало кормили, только-только фактически жизнь поддерживали. Но он всё равно упрямо рос. Если ему не давали набирать мышечную массу, то он набирал массу костную. Это был ходячий скелет, живший на минимальном количестве еды, буквально ложечка в день, и умении Батюшки Костолома поддерживать жизнь. Батюшка у нас ого-го какой мастер по лечению. Бывало, такой фарш ему принесут, а через некоторое время человек снова на ногах. Чтобы ребёнок не успел переродиться, даже планировалось отрезать ноги, благо Стикс позволяет потом отращивать. Вы представляете? Чтобы как-то продержат ребёнка внутри заданных параметров веса, планировалось ему отрезать ноги и, возможно, руки, чтобы получить дополнительное время. Своему собственному ребёнку отрезать ноги и руки, как вам?

Всё это у нас перед глазами. Мы тут мало чего боимся. На крупных тварей с копытами и топорами ходим, а потери моего дара испугались.

Глава 6. Как Иван Королём Артуром стал

Я проснулся от воплей:

– А ну двигай жопой, демократы! Как ты его держишь, как ты его держишь? Подружку свою будешь так тыкать! Я не вас хочу, я хочу, чтобы ты секунд двадцать не сдох! Вот так, вот так, так держать! Как ты?! Откуда вы взялись на мою голову?!

Это Король Артур в обязательном порядке всех, кто не обладает боевыми умениями, учит обращаться с ножами, топорами, пилами, палками, и всем, что под руку подвернётся.

Обычно мы ходим в рейды в сопровождении наших свирепых рукопашников, но если выскакивает какая-нибудь среднеразвитая тварь, лотерейщик или топтун, то у нас это часто заканчивалось тем, что народ впадает в ступор, охает и ахает, а пока рукопашники заражённого успокаивают, он носится среди тупящих мирных и успевает порвать не одного и не двух наших оболтусов. Поэтому общим решением было принято тренировать по графику наших добро-сердечных жителей отбиваться от нападающих подручными средствами. Мы должны уметь прирезать пустыша или бегуна и продержаться хотя бы секунд десять-пятнадцать, пока рукопашники сориентируются. В наши скромные обязанности входило уметь убежать от развитой твари, прятаться и, не стесняясь, звать на помощь. Нас дрессировали по очереди, и смертность в рейдах упала весьма значительно. Разумеется, как обычно, у него все тыкали подружку и были демократами.

Король Артур был у нас главным. В прошлой жизни он был Иван, полковник каких-то реально действующих войск, командовал, много воевал. Другой мир, где вначале СССР, а потом Россия вполне успешно вела кучу войн со всеми окружающими её империалистами мира. Боевого опыта у Короля Артура столько, что хоть десять дивизий формируй.

Имя Иван особенных ассоциаций не вызвало. Да и мечом он махает так, что обзавидуешься. В Стиксе у него открылся добрый десяток умений, весьма полезных для рукопашника. Меч свой Король Артур не из камня вытащил. Клинок был воткнут в кучу навоза за хлебом. Запросто из кучи не камня, около хлева и вытащил. Без следов ржавчины, блестящий и абсолютно чистый. Это просто чудо, металл без следов ржавчины и совершенно не испачканный. Как наш Король Артур клинку радовался! Вот с тех пор с этим мечом он у нас везде и бродит. В его руках оружие не тупится и не пачкается.

Помню, как мы первый раз с ним повстречались. Сориентировались на шум, бежали, как могли. Человек в парадной форме, с двумя Звёздами Героя на груди, но без фуражки, испачканный кровью, метался между мелкотой заражённых. Крохотным лезвием бил в голову, по глазам, в шею и затылок заражённым. Вот интересно, кто его научил? Почти не бил в грудь, хотя было бы вполне логично. Нашупал слабые места тварей и работал именно по ним.

Хороший удар. Тварь дёрнулась и завалилась, а он ушёл под лапу следующей. Немного получил лапой от другой, но упал в перекат, снова два-три удара, и достал до шеи очередного. Ты посмотри! Но мы не ждём, мы тоже в топоры! Буквально полминуты, и мы всё зачистили. Не переродился новичок! И почти два часа он тут прыгал-бегал-отбивался! Что это у него в руках?

А в руке у него был кортик, наградной, наверное. Красивый и короткий – булавка с ручкой, по размеру совсем небольшой, не морской. Другой мир, не наш. Уж очень маленький, чисто символический. А он, вот этот дважды герой, чисто символическим кортиком кучу мертвяков завалил, и, кстати, не только пустышей.

На новичке военная форма парадного образца, наверное, годов семидесятых-восьмидесятых, когда ещё оставался тип старой советской формы, но уже появлялись и признаки новой. Если уж цивилизация пошла, то как бы ты ни был похож на английского гвардейца в медвежьей шапке, всё равно все формы рано или поздно станут пятнистыми, камуфлированными, с

нашивными карманами и неброской геральдикой, которую перед боем удобно снимать с липучек и прятать в карман. Две Звезды Героя – одна Героя Советского Союза и одна Героя России.

У новичка сразу же пара рукопашных умений отрылась, видно, очень он Стиксу был нужен. Удивлён, поражён, ну ещё бы! Был в этот день человек на важном мероприятии, раз уж при таком параде, орденская планка, и ещё два ордена. И вдруг на тебя бросается урод, который хочет откусить ногу или руку. Хорошо, что военные навыки сработали, сразу видно, что не штабной.

Новичок встаёт, протягивает нам руку, небритым таким, с топорами, молотками, пиками, и говорит:

– Иван.

– Ну, пошли, Иван, расскажем, куда тебя занесло. Пойдём-пойдём, всё забудь. Это теперь всё в прошлом, Теперь ты с друзьями. Между прочим, кое-кто у нас тут тоже офицер.

Иван завертел головой. Как тут офицеров среди небритых и с топорами мужиков опознать?

– А кто офицер?

– И не один. Кадровые офицеры, многие не в запасе, но только переоделись мы знатно, бороды отрастили, а некоторые добросовестно не мылись подолгу.

Мужики заржали, наш Иван тоже.

От воспоминаний отвлёк звук команды: «Разойдись!» Занятие окончено, и через полчаса мне надлежит быть на государственных испытаниях. Сегодня мы будем пробовать мою идею, воплощённую нашими умельцами при полной моральной поддержке и чутком контроле нашего теологического ведомства.

У нас появляется несколько орудий. Одно чугунное, из которого я стреляю, и ещё пять, сделанных в виде кривой бронзовой трубы, оплетённой множеством металлических обручей. Стреляют они криво, и закладывать в них нормальный заряд мы боимся. Я решил из них бомбы делать. С чёрным порохом у нас плохо, его совсем мало, а я предложил корпуса сотовых телефонов в пыль перетереть и с ржавчиной мешать. Там порох только для запала нужен. Наш глава церкви взялся за организацию. Батюшка Айболит – великий прогрессист, представитель именно той части церкви, которая двигала людей, строила монастыри и первой вставала на защиту Родины.

Допиваю чай и бегу вместе с народом полюбоваться новым зрелищем. Шухер на стабе начался с утра. Всем интересно, все соскучились по острым ощущениям и тоже припёрлись на полигон всей толпой. Зрители расселись по окопам в ожидании шоу.

Вспышка! Ба-а-ам! Облако белого дыма начало разрастаться. Из него вылетели дуги разорванных полуколец плетёной пушки и загудели над головами. Мат заполнил окружающее пространство. Мы разом, не сговариваясь, грохнулись на брюхо, как матёрые ветераны, залегающие от любого свиста. Настя Лёня, обладающие большей реакцией, чем люди, подняли телегу и прикрылись ей от прилетающих осколков.

Вот это Король Артур ругается! Он матюкал наших химиков, меня, всех кого видел, и сами основы мироздания. Зрительские окопы мы вырыли далеко, но крупные осколки улетели раза в три дальше, и только по чистой случайности никого не убило градом мелких, хотя раненые были. А вот сам виноват – кадровый офицер, мог предположить. Чёрный порох такая штука – он то горит, то не горит, то взрывается как китайская недоделанная петарда. Если уже бахнуло, да ещё вперемешку с натёртыми алюминиевыми корпусами сотовых телефонов и разной дрянью из аккумуляторов, то от души. В порохе есть селитра, может, что-то вроде аммонала образовалось? Но мы это сделали.

Перемазанный в грязи святой отец подошёл ко мне:

– Добрая Милая Крёстная, принято на вооружение твоё оружие.

– Ну, хоть помните, кто главный тут говорил, что надо пушки порохом набивать и мины делать. Маловато, правда, этого пороха у нас, да и алюминиевые корпуса надо в тончайшую пыль тереть. Руками замучаешься это делать, а станков у нас нет.

– Принято, – подтвердил покрытый пылью Король Артур.

Ну надо же, а то обычно, если какая гадость, то это Добрая Милая Крёстная, а если гадость на пользу обществу пошла, то это целая команда руководителей постаралась.

Поднимаю с земли кусок ствола. Не могу определить, что это за металл – чугун или чёрная бронза. Он хрупкий и прочный, но разорвало его знатно. А как шикарно осколки гудели в воздухе, когда летели над головами!

Современный человек, насмотревшийся боевиков, решает, что он всё может. Чёрный порох делают из угля, серы и селитры. С углём проблем нет, а вот с селитрой сразу же возникают проблемы. Как её добыть? Про серу молчу. Если нет магазина по продаже серы, то многие и не знают, в каком отделе её спрашивать. Единственное, что мы смогли сделать, только не говорите, что я издеваюсь – взрывчатка из сотовых телефонов. Ржавчина, алюминиевые корпуса сотовых телефонов, растертые в мелкую пыль, и хороший такой запал из дымного пороха двенадцатого века. Ребята говорят, что если бы была аммониевая селитра, то можно было бы аммонала наделать. Сотовые телефоны – это, пожалуй, единственное, что остаётся в карманах людей, попадающих сюда. Что мы из них только ни делаем, теперь ещё и взрывчатку. Ещё один плюсики к нашей великой оборонительной системе.

Глава 7. Цитадель, стена и Дурка

Зачем нам это всё? Наши рукопашники способны порвать любого заражённого, стаб изолированный и воевать не с кем, жратва, одежда, даже сотовая связь есть. Но эта идиллия только кажется таковой.

Всё дело в стене. На ней люди пишут, выцарапывают буквы палочкой, выскребают рисунки ногтем, пишут на ней кровью, калом, мелом, чем угодно, но на этой стене писали цифры. Цифры жизни, сколько осталось.

Первый раз писали шутя, просто приходили и отмечали палочками прожитые месяцы. Так и писали – месяц пива, месяц смеха, месяц ещё какой-то. Примерно лет десять-пятнадцать писали. Это были первые, кто был на этом стабе. Потом были вторые, они прочитали, что написали первые, убрали их обглоданные трупы и начали достраивать стену, заложили цитадель. Неплохо в деле обороны преуспели, поскольку последние записи они делали несколько дней, пока заражённые осаждали их крепость. Весьма приличный результат для самого края Пекла. И мы, третьи, тоже пишем историю на стене, но уже зная историю первых двух.

Наше спасение – цитадель, стена и Дурка. Со стеной всё понятно. Она высокая, каменная, перед ней мины из чёрного пороха, колья вкопаны, рвы с острыми предметами. За стеной цитадель. Вторые сделали только фундамент, который мы укрепили и расширили. Мы её постарались соорудить в лучших традициях двадцать первого века из композитных материалов. Это была шутка. На самом деле – голь на выдумки хитра. Это оттого, что современный человек не былинный богатырь, камни ему таскать тяжело, да и нет их в достаточном количестве. Мы используем всё. В ход идут мешки с песком, деревянные прутья, ненужные пики, алебарды, мечи и разобранные избы, телеги и даже домашняя утварь. Нам нужна уйма материала, которого на наших крохотных кластерах попросту не хватает. Весь этот мусор собран в форме стен и залит неким нечто, которое должно изображать бетон. Зато высота и толщина стен достойная, и фундамент переделали так, чтобы растить и растить. Этого, судя по нашим расчётам и по костям предыдущих защитников, хватит на два-три дня обороны. Кстати, весьма неплохо.

В середине – наша самая главная опора и надежда, Дурдом. Своё название «Дурка» он получил не случайно. Это бункер, вход в который представляет собой крышка капсулы виртуальной реальности. Да-да, та самая крышка, с которой один из наших из своего будущего прилетел. В её прочности мы не сомневаемся.

Дальше сложнее – несколько коридоров, перекрытых решётками, и внутреннее пространство в лучших традициях современных систем выживания. Рядом стоят нары, запасы еды, воды, предусмотрены даже канализация и водопровод, но самое главное, что над всей этой территорией идут трубы с проточной водой для охлаждения крыши. Вокруг всего сооружения сделан пруд, в который стекает ручей. На каменную крышу Дурки насыпан утрамбованный слой земли, а сверху навалены брёвна. Мы их промаслили, плотно уложили и сделали целую систему медленного горения.

Каждую перезагрузку наших древних кластеров мы, как усердные пчёлы, собираем все горючие жидкости и тащим их в несколько больших ёмкостей, из которых потом должны течь ручейки топлива, поддерживая горение на крыше нашего защитного сооружения долгие недели.

Когда будем прятаться внутри, то сверху всего островка, окружённого водой, несколько недель будет гореть огонь. По нашим расчётам за это время чернота восстанавливается, кластеры перезагружаются. Это наш единственный шанс.

Есть одно условие, о котором все знают, но не говорят. Такое сооружение не загорается, как в индийских фильмах, от первой спички. Это процесс. Нам надо два-три дня, и обязательно кто-то должен закрыть дверь – снаружи. Вот такое нехитрое правило. Поэтому и держим на

одни нары меньше. Человек родился – поставили ещё нары, кто-то умер – убрали нары. Но всегда минус одни.

Глава 8. Ушастая лучница – Эль-Маринель

Вот в таких раздумьях и под впечатлением пиротехнического шоу я направился в дом к одной очень неординарной девушке. Меня просто разрывает чувство, что исследование, которое я начал, надо срочно ускорить. Есть такое ощущение, что её любознательный нос вполне мог соваться в нужные, отдалённые места кластеров. Именно так.

Она наша основная артиллерийская мощь, истребитель и охотник на заражённых – не шучу. Пожалуй, единственная, кто может что-то сделать с тварями на расстоянии и, разумеется, как все талантливые и уникальные девушки, требует особого подхода.

Ох уж мне эти бабские скандалы – «Если бы вы мне сказали это на два дня раньше, или сказали бы на два дня позже, то я бы вам такую истерику не закатила». Как мне это знакомо, особенно по нашей лучнице.

Эль-Маринель Ушастая. Когда она сюда попала, она была Мариной. Блондинка с почти белыми волосами, помешанная непонятно на каком фэнтези. Толкина она точно не читала, наверное, мультики про эльфов смотрела. Назвалась Эль-Маринель Прекрасная. Первое, что из нашего барахла взяла – это лук. Самое интересное, стала им просто отлично пользоваться. Кончики ушей торчали из копны белых волос, и настал тот день, когда все мы сдаём анализы. Но это так называется – сдать анализы. На самом деле это стрижка волос под ноль в пользу нашей верёвочной промышленности. Когда верёвки из наших волос сделаны, их в черноте не разрывает, мы ими тварей таскаем.

Вы когда-нибудь видели, как у человека уши растут? Они обычно растут прислонёнными вдоль головы с небольшими отклонениями, а у неё они росли поперёк. К лысой голове неумело прилеплены два уха.

Наши бабы как увидели, так всё! Эль-Маринель Ушастая и никак иначе.

Она уже свои умения тогда получила и могла стрелу с полусотни шагов топтуну в пасть послать, изнутри споровый мешок пробить и кусача в ножи взять. В ней как будто два человека сидят. Одна девчонка-подросток, про возраст даже не скажу, и суровый боец спецназа. Боец спецназа сейчас, наверное, куда-то ушёл или спал, а девочка-подросток раздула ноздри, засопела и галопом побежала в лес на ближайшем дереве топиться. Обматюкал наших девок за умение быть профессиональными гадюками и отправился за эльфийской лучницей.

Настя Лёня, которые рядом со мной постоянно крутились, отправились следом, немного поотстав. Я не рукопашник, и по лесам тут одному ходить очень опасно.

Догоняю. Это моя почётная обязанность – утешать. Если что-то не так, то ко мне бегут: «Добрая Милая Крёстная, у того срыв. Добрая Милая Крёстная, у человека капут с головой произошёл, ты тут старше всех. Добрая Милая Крёстная, это твой клиент». Почему мой? Всё, что с головой не так, это ко мне. Так все решили, только меня не спрашивали.

Догнал. Иду рядом. Сопит так, что заражённые со всего лесспрохоза начнут сбегаться. Идём рядом. Я молчу, мне в ответ сопят. Вот уж бабы, сиськи отрастили, а мозги забыли.

Так и спрашиваю:

– Ты вообще дура неуравновешенная или дочь великого леса?

Блин! Вот это взгляд! Если бы был в великом лесу, то из земли прямо сейчас корни бы вырвались и разорвали меня в клочья. Но нет, мы не в эльфийском лесу, мы у себя, на кластерах.

Идёт. Она за плечами свой Бублик несёт, сопит. Бублик – это лук такой, татарский. Редко-редко в Тереме выпадает. Он, когда без тетивы, вот бублик бубликом, а когда тетиву натягивают, луком становится.

Она, когда его увидела, так сразу схватила: «Всё, я эльфийка, вот какой мне лук достался!» Решаю продолжить разговор:

– Эль-Маринель, вот чего ты надулась? Мы так до другого конца кластера дойдём, а там Настя Лёня умаются, мне ещё пожрать надо, а я голодный, да и Настя Лёня не кормлены.

– Правда, надо соглашаться, а то хуже придумают? – подняла на меня голову шмыгающая носом лучница.

– Да. Ты себя-то в зеркало видела?

– Меня в детстве за уши дразнили.

– Ну, блин, ты даёшь! Уже пора привыкнуть! Ты думаешь быть эльфийкой, а получить кличку «Жопастая», или «Горбастая», или «Носастая»? Давай соглашайся на Ушастую, пока хуже не придумали. Девки у нас такие гадюки, они быстро сейчас тебе что-нибудь отрастят...

Это первый раз был. Я с ней ещё час разговаривал, потом она выплакиваться на дерево влезла, к ночи вернулась. Такие скандалы потом сто раз были. Нашим девкам обидеть Ушастую лучницу, как раз плюнуть. Вроде ничего такого не сказали, а обидно до жути, но не придерёшься.

Эль-Маринель Ушастую я нашёл на скамейке столовой, под навесом. Она оплетала стрелы красивым узором из тончайших полосок кожи.

– Привет, – поздоровался я. – Где бы это могло быть? – я показал ей на стопку берестяных листков, исписанных старославянскими буквами.

Я эти бумажки отобрал у наших подростков, когда из них самолётики пытались делать. Разумеется, я уже спросил об этих вещах других следопытов, но они ничего не знали. Сами листы принёс один из мужиков, его на днях задрал крупный заражённый, и узнать источник не представлялось возможным.

– Это в домике Бабы Яги. На столе лежат. Всё равно из них книжка не получается, одна глупость.

Похоже, эльфы, даже если они человеческой расы, лысые и лопоухие, получают некую энергетическую часть, которая заставляет лазать по самым отдалённым местам и искать себе на грациозную часть тела уйму приключений.

– А что там было написано? – осторожно поинтересовался я, не веря, что всё так просто.

– Ерунда всякая, я не понимаю. Думала книжку старинную сложить, а они не складываются, и глупые они.

– А как мне посмотреть?

– А, забирай. Они в берестяной коробке, которая с уткой.

Посчитав, что аудиенция закончена, лучница запела песню и продолжила оплетать свои стрелы, а я направился в её комнату забрать содержимое коробки. Замков на дверях у нас нет. Искомое нашлось сразу. На кривой коробке было изображение странного животного с вытянутым корпусом, зато содержимое было нужным. Я как-то сразу зацепился взглядом именно за эти листы. Книги тех времён к нам попадали, но проходили мимо моего интереса, а вот эти письма совсем другие. С ними надо будет ещё разобраться в свободное время, а теперь домой и спать. У меня завтра охота и поход по магазинам.

Глава 9. На живца

С восходом солнца, приодевшись, как и все остальные мужики, в богатыря, я стоял перед стеной. Ростовой щит, кольчуга, кольчужные перчатки, копьё и палаш. Маршрут очень простой. Вначале наша банда ряженных добрых молодцев под охраной рукопашников пойдёт в Терем, потом леспромхоз, чтобы урожай собрать, а там разделимся. Я отправлюсь на шоу девяностых, а мужики на ферму. Непонятно? Ага. Я сам долго привыкал. У нас тут всё странное. Каждое слово по отдельности нормальное, а когда в предложения собираются, то смысл как-то уходит.

Король Артур, убедившись, что лучше мы всё равно не построимся, дал команду выдвигаться. Для чего нам все эти охоты? Мы добываем жемчужины и спораны. Нам надо очень много жемчужин, поскольку мы растим умения, и запас споранов. Казалось бы, такой стаб, такие маленькие, закрытые от всего мира кластеры, живи не хочу. Выращивай заражённых и режь на спораны, натуральное хозяйство, то козочки к тебе прилетели, то зерна полная кладовка, то бочки с мёдом, то бочки с медовухой. Но мы живём здесь не первые, не вторые, мы живём здесь третьи и всегда помним об этом.

Раз в очень много лет чернота отступает, и мы оказываемся на острие звёзды, ведущей в Пекло, не в какое-то, а в самое-самое Пекло. Наши соседи через черноту – развитые руберы и элита. Когда это хлынет к нам, мы должны быть готовы, вот мы и готовимся. Каждый день мы строим стену, с каждой перезагрузки Терема мы притаскиваем стрелы, порох, льём пули для пищалей, минируем проходы, варим что-то наподобие напалма для рвов, и всё это мы готовим к тому самому дню, когда чернота отступит, и мы останемся одни перед самым Пеклом – Адом! И самое главное – никто не знает, сколько нам придётся сидеть в Дурке. Если едой и водой можно запастись впрок или поголодать, то пополнить запасы живчика будет невозможно, и голоданием тут не обойтись.

Терем наше всё. Представьте старинную русскую лубочную крепость. Уменьшите её раз в двадцать. Крохотная крепостёнка в два этажа с эксплуатируемой кровлей, общей площадью метров триста. Аккуратно побеленные стены, ажурные зубцы, флигель в форме петушка, рядом яблоневый садик и красненькие деревянные ворота. Няшка, а не боевое укрепление. На стенах шесть орудий, одно из которых моё, и пять плетёных под картечь. Первый этаж полуподвальный, там хранят порох, вино, дёготь, ржавое оружие и недоделанный кривой огнестрел. Второй этаж занимают палаты. Это две крохотные комнаты метров по двадцать. Здесь одежда, предметы утвари, стрелы и луки. Внутри крохотный дворик с маленьким сараем.

Сразу скажу – булатных клинков нет, а всё железо дрянное, ржавеет и почти не точится. Самое ценное среди ржавого хлама – это моя пушка и порох. Первые пять пушек интересуют мало, а вот шестая пушка – подарок Стикса. Первые пять плетёные, а шестая или из чёрной бронзы, или чугуна с примесями. У неё даже есть углубление, куда вкладывается телефон святого отца.

В оружейной, как всегда, чисто и порядок. Через плечо Короля Артура высунулась хитрая лопаухая морда Эль-Маринель.

– Нет твоего Бублика. Ничего, должен быть уже скоро, – утешающим тоном сказал наш главный военачальник.

– У меня всего два осталось, – сообщила наша лучница, поменяла выражение лица с хитрого на расстроенное и, схватив несколько стрел из бочонка, упрыгала.

Это наша эльфийка замену своему луку высматривает. Он у неё очень быстро изнашивается, а прилетает не с каждой перезагрузкой. Короткий и очень мощный татарский лук без тетивы сворачивается кольцом, за что и получил своё название – Бублик. Здесь было много стрел и луков, но по сравнению с её изделием это были просто палки с верёвками.

Заявились наши силачи. Это мужики, которых Стикс одарил силой. Они у нас лошадьми работают и таскают телеги с добром. Лошади к нам не попадают. Пробовали запрягать коров и ослов, но задолбались, всё прокляли, такая, блин, это тупая скотина. Сами мужики после ряда попыток с матом выпрягли всю эту животину и просто перетащили телегу. По факту получилось быстрее и без лишних нервов. Зареклись, никаких бурёнок и ишаков.

Сорок минут пешего рейда, и мы на месте. Вот такие у нас небольшие расстояния. Все кластеры пешком за три дня можно в обе стороны пройти. Ходили в магазин за продуктами? Приходилось иногда голос повышать? И мы пришли, надели самое лучшее, взяли магазинные принадлежности. Наш командир набрал в грудь побольше воздуха и как заорёт:

– Каре, шесть рядов! Перестраиваемся! Копья в упор!

У меня первый ряд. Моё копьё, правая рука на нём, левой ногой упираю в землю, у каждого дальше по-своему. Кто-то держит ровно, кто-то под углом.

– Щиты сомкнуть!

Щиты глухо стукнули. Это не потому, что парад, это потому, что жить хочется. Удар щитов друг о друга, это для того, чтобы точно знать, что щелей нет, и лапы тварей не дотянутся ни до тебя, ни до того, кто прикрывает твоё тело. Ростовые квадраты, почти от пяток до глаз, шлемы и четыре ряда копий спереди, и обязательно по бокам и сзади.

Звучит команда: «Вперёд!»

Идём, как учили, не таясь, ошетилившись копьями, звеня металлом. В нашем каре те, кому не досталось рукопашных умений Стикса.

Стараемся, конечно, и выше рубера в нашем леспромхозе не дорасчиваем, но и с рубером жизнь человека без боевых умений – ноль секунд. Автоматов и тяжёлой пулемётной техники у нас тут отродясь не водилось. Наша задача – шуметь и привлечь тварей.

По бокам идут рукопашники. Слева Король Артур, справа Адольф Штирлиц, а где-то по кустам шныряет Эль-Маринель Ушастая. Наша задача только шуметь и не сдохнуть первые пару секунд боя.

– Держать строй! Держать строй, демократы беременные! – подбадривает нас понятно руководство.

Наша когорта ошетилилась железом и шла не таясь. «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»...» – это мы ещё и песню поём. Драться мы не умеем, зато шуметь можем.

Перестроились. Теперь справа вышагивал Король Артур, слева пристроилась Эль-Маринель. Собственно говоря, не такая уж и большая хитрость. Вместо того чтобы гонять за хитрованскими крупными заражёнными, надо сделать всё, чтобы им стало интересно. Наша задача тупо шуметь, остальное работа рукопашников.

Метнулась чёрная тень – вжу-у-ум! Всё, отуркался. Стрела Эль-Маринель вошла в пасть рубера и проткнула споровый мешок изнутри. Сомнений нет, попала. Я не могу видеть на такой скорости, невозможно рассмотреть подробности, только уже мёртвое тело валится, а из пасти, занимающей две трети головы, торчит древко стрелы. Второй рубер высунулся из-за огромного поваленного бревна, напряг лапы для прыжка и прыгнул – «вжу-у-ум», вторая стрела прибила переднюю лапу к дереву.

Прыжок вышел славный. Стрела, конечно, не могла выдержать нагрузку и разлетелась в куски, но направление поменялось, как будто заражённого схватили за лапу и с огромной силой швырнули через голову.

Секунда, и чудовище на ногах. Две тёмно-красные, почти чёрные дуги взяли своё начало у тела твари и нарисовали в воздухе размашистую букву «Х». Это Настя Лёня подросли со своими секирами и перерубили тварь по диагонали. Они всегда старались работать парой. С руберами, похоже, завершили.

Выбежали топтуны, вжуум, вжууум. Это Эль-Маринель. Два из них тоже отбегались, как и первый рубер. Оставшихся топтунов встретил Адольф Штирлиц, убив их своими парными клинками.

Выбежало несколько бегунов, урча и явно рассчитывая пожрать. Настя Лёня их просто сбили с ног, поломали конечности и швырнули в кусты. Заживёт. Сейчас мяса оставим, приползут, отожгутся. Это мы называем – «отправить на дорацивание».

Ко мне повернулся Король Артур:

– Добрая Милая Крёстная, мы с мужиками на ферму, скоро кластер обновляется, надо травоядное сгонять. Адольф Штирлиц и Настя Лёня с тобой, Эль-Маринель Ушастую забираю, будет своих собак отстреливать, через час вас догонит.

– Понял, – я утвердительно кивнул. – Споровые мешки сейчас срежем.

Повернулся к квазам:

– Настя Лёня, мешки собрали? – мне утвердительно уркнули. – Ну и хорошо. Тут, похоже, всё. Рубите заражённых в полутушу и пошли.

После того как мы забираем споровые мешки, туши рубим на несколько частей, как на мясокомбинате, чтобы молодняку жевать было удобно. Молодые заражённые тупые, слов нет. Так и будут пытаться прокусить шкуру крупной твари, пока с голоду не помрут. Вроде всё.

– Так. Этих прикормили, с тех урожай собрали, пошли на шоу девяностых...

Глава 10. Шухернее, пацаны

Теперь я тут за главного. Это у нас такая продуктовая экспедиция в леспромхоз. Мы так называем место, где выращиваем заражённых на спораны. С элитников, которых мы через черноту таскаем, выпадает горсть жемчуга, горсть горошин, а вот споранов очень немного, нам бы хватало на всех, впритирочку, наверное, ведь нас тут чуть больше ста пятидесяти рыл, но мы готовимся к периоду Дурки и нужен запас.

Предполагаем, что огонь будет нас защищать недели две-три, а так никто не знает, сколько, и добыть споранов будет негде. С водой и едой можно решить, а с этим – потом нет.

Как наши предки-крестьяне, мы этот вопрос решаем фермерским хозяйством. Нам с двенадцатого века прилетает немало всякой скотины. Вот так и разделили две зоны – одна зона для разведения заражённых, другая для нашего натурального хозяйства. Подкармливаем заражённых, когда прилетает много всего крупного и рогатого. Дорастиваем до топтунов, но иногда и руберы получают. Как подрастут – загоняем, режем. Ну а что делать? Приходится.

Кластеры у нас маленькие и очень быстрые. Заражённые не успевают отжираться, чтобы толк был, или, наоборот, очень быстро развиваются, а с учётом того, что наши кластеры за три дня туда и обратно обойти можно, становится опасно пускать этот процесс на самотёк. Охнуть не успеешь, как к тебе на стаб элитник завалится. А так как к нам прилетает всё двенадцатого-четырнадцатого веков, с оружием у нас туго, на одних рукопашниках и держимся.

Вот мы и организовали ферму и леспромхоз. Живчик каждый день нужен, вот и выкручиваемся как можем. У нас даже рецепты есть. Живчик на медовухе, живчик на пиве, живчик на самогоне. Это мужики самогон гонят. Уж в этом им технология отсталого века не мешает. Толковую вещицу сделать мешает, а самогонный аппарат нет. Ведём натуральное хозяйство: ферма с руберами да ферма со скотиной.

Кроме того, ферма в леспромхозе со скотиной – своего рода буфер, если вырывается развитая тварь, то мимо загонов с рогатыми пройти уже не может, и появляется время её перехватить. Это там автоматы да пулемёты, а у нас топоры.

И, конечно, основа нашей жизни и процветания – это наши могучие рукопашники. Без них у нас бы шансов не было. Один из самых крутых после Насти Лёни наш главный загонщик и добытчик споранов – это Адольф Штирлиц. Уже и не помню, как его называли вначале, но по мере разрастания его навыков и умений всё больше и больше к нему привязывалось. «У нас тут вообще нормальных имён нет и быть не может, ибо место не располагает», – как любит говорить Батюшка Айболит.

Вначале кто-то глупо пошутил, а потом постепенно прижилось. Штирлиц – потому что его игнорируют заражённые. Он к ним в упор может подойти, даже ногой пнуть. Если не калечить, твари недовольно урчат и отходят от своего обидчика на пару шагов, хоть пинками в кучу сгоняй. Вот такая особенность, причём если ты находишься рядом с ним, то тебя заражённые очень даже видели и тут же нападали. Понятно, Штирлиц он и есть Штирлиц.

А вот Адольфа он получил за умение пугать заражённых. Не знаю, на каком пласту реальности это отрабатывало, но достаточно было любого резкого звука, и твари в панике бежали. Обычно он орал: «Бу-у-у-у-у!»

Не знаю, как это работает, но заражённые, начиная от самых свежих и заканчивая матёрыми элитниками, бросались врассыпную. Это его умение много жизней спасло, когда на рейды стая заражённых нападала. Причём, если крупняк убегал, опираясь на передние лапы, как гориллы, то свежие заражённые бежали, подняв руки градусов на сорок пять, только сразу две руки. Как «зига» у фашистов – двуручная фашистская зига. Так и бегут с обеими поднятыми руками. Вот наши остряки сразу пытались фюрера прилепить, но потом смягчили терминологию до Адольфа.

Он очень и очень серьёзный боец, может, и покруче нашего Короля Артура. Тоже офицер, боевой, не в отставке. Адольф Штирлиц дрался в два клинка, всегда в два, причём правая и левая рука работали на уровне подсознания – одинаково сильно и одинаково точно. Парные ножи, парные сабли, даже парные топоры были его фишкой. Быстрый, смертоносный и невидимый, он был скорее похож на Эль-Маринель, чем на танкоподобных Настю Лёню и святого отца. Хотя в обычной жизни был праворуким, и всё, что делал, предпочитал делать правой.

Сейчас он перетекал от одного подозрительного куста к другому, проверяя дорогу. Настя Лёня топали рядом, держа секиры наперевес. Всё было просто идеально, тем и подозрительно.

Мест с высокими технологиями у нас всего три – это карманы прилетевших людей, погребок и церковь Батюшки. Вначале Батюшка Айболит был против разграбления и разламывания церкви, но потом, просчитав ситуацию, согласился. Но на самом деле таким любителем старины оказался, у него даже чайник был медный – хренадцатого века.

Так святой отец на проповедях и говорил: «Это наш Господь милостью своей хай-тёк нам материалы и присылает».

Собственно говоря, на кластере церковь прилетает, улетает, да и побоище там организуется нешуточное, она-то с людьми, которые оборачиваются. Кровища до потолка, а вот на стабе мы церквушку поставили. Скорее, небольшую часовенку, но всё чистенько, аккуратно, от души. Нашей законной добычей каждый раз являлось около полусотни метров проводов, выданных из стен, пара лампочек, пара кранов, пара горстей калёных саморезов, а то с хорошим металлом у нас проблема. Железо двенадцатого века совсем плохое. Мы тут как сумасшедшие сороки, всё металлическое не ржавое в гнездо тащим.

Карманы заражённых, барсетки и сумочки – это настоящее Эльдорадо для нас, отсталых. Зажигалки, авторучки, маленькие карандашники, педикюрные ножнички, маникюрные наборы, перочинные ножи, предметы личной гигиены и косметика бабам.

Мы прошли Терем, оставив святого отца и Короля Артура присматривать за разгрузкой ценностей, чтобы на наших работах никто из тварей не напал. У нас тут так – одна секунда, и видишь, как твоё тело рубер утаскивает, а голова в это время ещё в воздухе парит. Без рукопашников у нас бы жизнь прекратилась.

Я иду, меня справа-слева прикрывают Настя Лёня. Квазы решили, что я у них самый главный и самый главный объект защиты. Уж не знаю почему, может, я самый добрый, или потому, что до сих пор пытаюсь договориться с их ребёнком, или просто решили, что нужно же кого-то охранять и оберегать? Ну, как домашнего пуделя или кота домашнего, когда его на дачу привозят – постоянно приходится злых дачных котят отгонять, чтобы Мурзику не влетело.

Из кустов выскочила Эль-Маринель. Шустрая. Уже догнала.

– Эль-Маринель, давай по кругу, – скомандовал Адольф Штирлиц.

Она, в принципе, так и делала. Когда мы шли, лучницы никогда не было в строю, она всё время вокруг нас скакала. Ушастое существо вообще никогда не ходило, она всё время вприпрыжку бегала, притом ей это удавалось делать крайне тихо. Наверно, какие-то умения скрытности, как у Адольфа Штирлица. Её заражённые практически так же не замечали, только с расстояния в несколько метров, когда она уже находилась в упор с натянутым луком. Типа «Оба-на! А это кто?» – и стрела пошла либо в глаз, либо в пасть, протыкать спортивный мешок. Ускакала.

Мы проходим самый опасный из кластеров. Здесь этнический праздник проводился, а перед ним был узкий и пустой кластер. Они обычно вместе перегружаются, и пройти невозможно, а здесь человек сто пятьдесят прилетает, но первый узкий нас всегда задерживает. Когда сюда приходишь, одни кишки на ветках и твари. Никогда ни одного человека отсюда не вытащили, а оставлять здесь кого-то тоже опасно, потому что, бывает, кластеры перегружаются все сразу, одновременно, один стаб остаётся. К нам тогда кошки приходят. Почему-то

они единственные из всей животины понимают, что будет перезагрузка. Сколько их обычно бывает! Мы по пришествию котов, собственно говоря, и научились это время распознавать.

Теперь не до шуток, здесь опаснее, чем в леспромхозе. Там мы популяции заражённых контролируем, а тут что выросло – то выросло. Настя Лёня ошетинились секирами, и видно, как под их рубашками подрагивают горы мышц, покрытых роговыми пластинами. Адольф Штирлиц достал из ножен свои парные клинки, а Гость из Будущего приготовил свою ухватку. Я, как всегда, ПМ и палаш, а мужики кто чем горазд.

Пищалей и прочего старья мы не использовали. Из пистолета сразу можно стрелять, а для пищали фитиль горящий таскать надо и после выстрела перезаряжать минуту. В древнем оружии между поджогом пороха и выстрелом секунда могла пройти. За это время тварь метров пятьдесят пробегает. Собственно говоря, мы за современным оружием, патронами и обувью идём.

Мы с собой из огнестрела только ПМ таскали. В древнем оружии смысла не было. Кстати, на близком расстоянии девятимиллиметровая пуля тоже не так плоха. Против крупняка, конечно, бесполезно, но для неразвитого вполне аргумент.

Почему мы не наделали себе чего-нибудь получше? Можно сделать помповых ружей, автоматов, бластеров и рельсотронных пушек? Это потому, что современному человеку легко из старинного барахла сделать что-то хорошее, используя современные инструменты, а попробуйте инструментами двенадцатого века сделать что-то хорошее из барахла этого же века.

Несколько бегунов, урча, выметнулись из кустов. Настя Лёня синхронно прикинули секиры в одну руку и поймали двух заражённых свободной рукой, одного под шею, другого просто сверху за башку. Тела тварей продолжали бежать, и позвонки хрустнули. Двух других они поймали за шею, на верхнюю грань секиры, между лезвий и приподняли. Ещё два хруста.

Один из бегунов попытался оббежать по дуге. Ага! Если у квазов заняты руки, то у них есть ноги. Подсечка, и огромный сапожище наступает на голову. Хруст. Настя Лёня весят как небольшой грузовичок – каждый.

Адольф Штирлиц, расставив клинки и прикрывая нас, гражданских, замер. Бегуны – это мелочь, не стоящая внимания, а вот где крупночь? Высунулась из кустов Ушастая и показала, что пристрелила пятерых. Ухватка Гостя из Будущего нашла ещё троих. Бегуны не проблема, Настя Лёня могут их голыми руками душить, пока в туалет не надо будет отойти, количество значения не имело, значение имело, где остальные и кто.

Перед этим кластером пустой, с очень долгой перезагрузкой, она может несколько месяцев идти, а за это время здесь может один, а может и семь раз обновиться. Вот и не знаем, сто пятьдесят человек тут было или больше тысячи, а бегуны – это только подтверждение, что обновлялся не раз, и крупняк их подбьсть не успел. Вот уж нехорошо совпало, что Терем и Погребок одновременно появились, но порох и орудия оставлять нельзя, и там тоже нужны рукопашники.

Зачем нам так рисковать? Потому что надо! Погребок – это единственное место, где есть оружие, и третье место, где есть что-то из нашего времени. Пусть даже потёртый ПМ, и ещё надо ухитриться, чтобы патроны не перевели. Как всегда, у нас тут всё сложно!

Мы испытываем очень большие проблемы с хорошей походной одеждой и особенно обувью. Пара берц, которые мы снимаем в Погребке с одних чудил, и пара наборов камуфля с них же – это, пожалуй, единственная удобная одежда на все кластеры. К нам все в модном и непрактичном попадают. Если с одеждой вопросов нет, то старинная обувь совсем плохая.

Бабы у нас сарафаны да кокошники носят больше из расчёта выпендриться. Как правило, сарафаны подвергаются современной доработке. Получается нечто типа «я в лесу от озабоченных волков убегала». Вроде бы сарафан процентов восемьдесят пять площади поверхности сохранил, а оптическая непрозрачность ну процентов пять, в край семь, не больше. А то, что мужики шаровары носят да рубашки – это по теме, поносил и в печь, стирать не надо. С мертвяка

в одном экземпляре снял, поносил, потом опять постирал, а тут в Тереме всё прилетает сразу выстиранное, выглаженное, стопочкой сложенное.

Кусты хрустнули, и на нас выскочила ещё одна стайка низших заражённых. Передушили. И всё? Три минуты тишины, злой такой. И ничего?

– Выдвигаемся потихоньку, – шепчет одними губами наш командир.

Странно всё это. Настя Лёня заметно нервничают. Здесь всегда было много тварей, а сейчас нет. Значит, они где-то в другом месте. А где? Между тем, потихоньку двигаем булками и стараемся не шуметь. Пока дошли, на удивление без приключений, сошло семь холодных потов, два инфаркта, три инсульта. А мне ещё выступать надо!

Надеваю костюм, пиджак, брюки, футболку, золотую цепь, толстую и короткую, специально укорачивали по шее, золотые запонки и пару орущих, с огромными камнями перстней. Брюки заправляю в красные сапоги на деревенский манер. Это я в Тереме такие беру. Они мягкие и удобные, но не ноские, мужики попрочнее обувь носят, так что в красных сапогах я один хожу. Настя Лёня накидывают на плечи самые большие чёрные кожаные куртки, которые нашли. Застёгивать бесполезно, людей такого размера не бывает. Вроде ничего маскарад получается. Наградой за удачное шоу будут две неполных обоймы патронов к ПМ и наган с тремя патронами.

Провожу последний инструктаж, а за спиной уже начинает развеиваться туман.

– Настя Лёня, аккуратно ломайте шеи, чтобы не текло, а то и так с трупов одежду носим, а из хорошей камуфлы только тут встречается. Не пугать, как-нибудь улыбайтесь, что ли. Помним, всё, что замызгаем кровью, – в печь. Без моей команды просто стоим и ждём. Вещи не портить. Потянутся к оружию – валим всех нахрен.

Квазы кивали, мда-а-а-а... красавцы.

Погребок – это кабак из девяностых с бандитами. Народ там при ножах и даже стволах, чуть что – сразу стрелять. Первое время мы не успевали. Кто-то перерождался и патроны отстреливали, а потом мы разработали целый план по добыче патронов, когда позволяли кластеры, конечно.

Акт номер один. Включаю фонарь, пока нахожусь за углом лестницы, чтобы в тебя не пальнули в темноте от неожиданности. Кричу:

– Ау! Пацаны! Это только мне, как шахтёрам, за неуплату свет отключили? Ха, вас тут тоже не уважают.

Спускаюсь и являю себя браткам. Фонарь несильный, чтобы не добавить света сверх меры. Чиркают зажигалками, не понимают, где находятся, нервничают. Хорошо. Почти всё тут. Два комплекта камуфлы, берцы, наган и ПМ. ПМ в этот раз один. Внимательно меня осматривают, но у меня тоже прикид пацанский, всё натуральное, без понтов. Камни и цепь, правильная, не дутая, костюм дорогой, а вот брюки, заправленные в расшитые бисером красные сапоги... Обувь немного смущает.

– Я тут фильм про старину с ужасами снимаю, где-то на потолке пробки у них. Щас мои ребята-актёры всё сделают, только от страха не обоссаетесь. Они у меня рослые и в гриме. А фильм у нас ужасный. Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...

И я изобразил что-то страшное и тупое. А в то время всё было как-то по-серьёзному и одновременно наивно. Все готовы, будут спокойствие изображать, даже если сюда колесница всадников Армагеддона зарулит.

– Настя Лёня, где вы там копаетесь? Шухернее!

Акт номер два. Заходят квазы и тащат какую-то тяжеленную, большую фиговию. Когда у них руки заняты и они согнулись, то первый шок меньше. Проверено. Настю Лёню я затащил без траты драгоценных боеприпасов. Теперь знакомство с актёрами. И я рассыпаюсь в рассказе:

– У нас даже на веки броню приклеивают и на всё тело. Ноги удлинить, руки вытянуть и лишнего веса надо ещё килограмм пятьдесят наесть... Всё тело обклеиваем... Да, так два месяца и будут в гриме ходить, даже в туалет... Сложно? А капуста как поднять?

Народ тупит, перезагрузка зря не проходит, но не стреляют, а подтягиваются на шоу. Нам надо их к близнецам подтащить. Бандосы на них смотрят, щупают, ну ещё бы, такие актёры, такой грим, разве что пока автографы не просят.

Акт номер три. Зрители обступили актёров. Когда квазы понимают, что нужные нам люди в зоне досягаемости, то начинают бить по головам. Через пару секунд все валяются уже без сознания. Главное, суету создать и Настю Лёню в середину комнаты незаметно под шумок затащить. Без стрельбы, кстати, не всегда удаётся. Но с каждым разом всё лучше и лучше.

Все в нокауте. Теперь будем ждать. Кто переродился, того раздевают и вышвыривают на улицу на дорасщивание, а кто не переродился – тащим на карантин.

Новичков к себе в банду, свежак на откорм, хабар делим. Всё по чесноку. Стрелка завершена.

Всё удалось просто идеально. Патроны целы, обувь и одежда чистые. Мы очень осторожно расшнуровывали обувь, расстёгивали пуговицы, собирали ценнейшую одежду в сумки и рюкзаки. Обязательно обыскивали карманы заражённых и вынимали кошельки. Барсетки были осмотрены, и – как я предсказывал – наган одна штука, ПМ одна штука, пара так себе ножичков, в обойме шесть патронов и в нагане традиционные три патрона.

К нам в проём двери закричала Эль-Маринель:

– Давайте быстрее! Кошки пошли!

Это плохо. Это первый признак. Кошки к нам прилетали почему-то только с церковью батюшки, дичали, размножались в ужасающих количествах. В общем, мы понаблюдали, у всяких птичек-синичек двенадцатого века не было никаких шансов против котё двадцать первого, даже собаки отхватывали.

Несмотря на это, это были любимые твари, ну из тех, конечно, кто сразу не одичал. У меня самого был котяра. Масть зелёная. Эдакая бурая скотина с розовым носом. Огромный, уж не знаю, помесь там камышового с каким-то мастодонтом, но ласковый и наглый на пределе возможного, как и все у нас, он имел двойное имя – Морда-Морда. Так и звал – Морда-Морда.

Мы, быстро похватав оставшееся барахло, навьючились и выдвинулись. С собой мы всегда приносим рюкзаки, удобные сумки, и если грузим, то совсем понемногу, на каждого из нас может быть килограмм по пятнадцать-двадцать веса, не больше, потому что, если встретится большая группа заражённых и придётся нам, гражданским, как любит говорить Король Артур, бегать и прыгать, то чтобы у нас был хотя бы шанс. Чтобы не тянули нас к земле тяжеленные тюки. Рукопашники у нас традиционно ничего не носят, может быть, немножко помогут в момент разгрузки, и то без особого фанатизма. Они должны всегда бдить.

Мы шли обратно довольно бодро. Это всегда плохое время, потому что когда кластеры перезагружаются все вместе, единственные животные, которые это чувствуют, это коты и, разумеется, заражённые. Часть из тварей уходит в другой конец наших кластеров и попадает под перезагрузку. Довольно приличное количество заражённых сейчас будет идти с нами вместе, а это очень опасно. Скорее всего, это объясняет то, что когда мы проходили этнический праздник, почитай, никого и не встретили, буквально несколько группок неразвитых заражённых, потому что они ещё очень тупые, а те, которые более развиты, уже в пути.

Глава 11. Явление Демократа народу

Обычно скорости нашей экспедиции и тех, кто тащит что-то из Теремка, совершенно разные, и мы нагоняли. Мужики неспешно, стараясь соблюдать все правила техники безопасности, тащили орудия, порох, ядра, стрелы и одежду к нам на стаб. Видимо, сейчас поднажали. Видны следы того, как они тащили телеги совсем недавно. Мы ненамного отстали, но там тоже бодро припустили. Наши бойцы придушили очередную группу неразвитых заражённых. Настя Лёня напряжённо всматривались и сжимали рукояти секир. Адольф Штирлиц постоянно бегал между хвостом и началом нашей колонны. Всюду бежали коты. Они прыгали по деревьям, перелазили через заборы и пробегали по крышам изб, чувствовали перезагрузку и знали, куда бежать. Они все шли к нам на стаб. Кошки почему-то никогда не ошибались. Если заражённые переходили с одного кластера на другой, некоторые выходили к нам на стаб, а некоторые уходили в другую сторону, то кошки точно знали, куда бежать. Самое страшное, что коты могли прибежать к нам на стаб как за несколько дней до перезагрузки, так и за несколько часов. Никто не знал, когда это произойдёт.

– Давай быстрее! Чего чешемся? – подгоняли нас рукопашники.

Мы и так шли на пределе сил. Вопреки нашему негласному уставу, несколько рюкзаков, перекинутых через плечи, уже появилась на Насте Лёне. Меня традиционно грузили не сильно, а вот кто взял груз побольше, те уже явно выбивались.

Запыхавшиеся, грязные, забившие на все правила безопасности, мы забежали на стаб. Телеги с добром из Терема уже были тут, и народ весь, кроме нас, был уже за стеной. На границе кластера нас встречал Король Артур и несколько мужиков-силачей.

– Давай быстрее, что вы там копаетесь! – кричал он, подхватывая пару обессиленных человек. Рюкзаки и сумки просто бросали на землю на стабе и ковыляли к стене. А там уже нас ждал опущенный подъёмник. Ворот в стене у нас не было, мы их заложили, усилив конструкцию. Моя поклажа немного легче, чем у остальных, а запыхался не меньше. Ждать пришлось всего несколько минут. Можно сказать, одной ногой в могиле были.

Мурашки по коже. Воздух, как перед грозой, наэлектризовался, запах кислятины, и как в фантастическом фильме про потусторонние миры, прямо из воздуха материализовались клубы тумана. Здесь, здесь, там, вот ещё немного, а потом ещё и ещё появлялись сгустки серого грязного марева. Кластеры доживали свои последние секунды, потом одно мгновение – и туман поменял цвет с мутного белого на чистый белый, плотный, не замутнённый мирскими заботами. Лицо обдало волной кислого запаха.

За секунду до этого, на дальнем краю стаба, где у нас сараи, метнулось десятка четыре довольно приличного размера теней. Я не поверил своим глазам, и только по присвистнувшему Гостю из Будущего и торчащему указывающему пальцу вездесущей Зойки Свинюки я понял, что мне не показалось.

– Это ваш Демократ! Настя Лёня, ловите! Демократ! – Зойка Свинюка вопила своим высоким голосом, но все уже и так всё увидели.

Не очень крупный молодой элитник, только-только перешедший из рубера, в лошадиной сбруе, накинутой на манер даже не знаю кого, наверное, людей, которые любят носить лошадиные сбруи, спрятался за сараем. Вокруг него суетилась пара топтунов, несколько лотерейщиков и десятка два всякого по мелочи. Такая мини-орда, ведомая своим предводителем. Мы все эти действия всегда встречаем в крепости, стоя на стене и высматривая заражённых, потому что знаем: как бы мы ни охраняли, как бы ни оберегали, всё равно кто-то обязательно выскочит из тумана.

– Все со стены! – заорал, обращаясь к рукопашникам, Король Артур. – Что стоите? Ловите! – это он уже к Насте Лёне, но им команды давать не надо, они уже столько наслушались от Короля Артура по поводу своей роковой ошибки, и уже спрыгнули со стены.

Распинав походя несколько заражённых, они неслись к сараю, а над моей головой уже гудели певчие стрелы Эль-Маринель. С лёгкостью пробивая доски, они неслись к цели.

Тварь метнулась в туман на уже обновившийся свежий кластер. Не успевая угнаться за нашим шустрим Демократом, близнецы метнули свои стокилограммовые секиры. Гудящими, рассерженными ударными вертолётами они улетели в сторону заражённого, кровь брызнула целым облаком. Эль-Маринель виновато разводила руками:

– Он глаза и пасть лапой закрывал, я попала, но он лапой закрывал. Я правда попала.

– Ага, я видел. Когда он побежал, то у него из лапы с полдесятка стрел торчало, да и башка и плечи были истыканные, как у ежа колючки.

Как два огромных богатыря, из тумана вышли Настя Лёня, виновато таща окровавленную лапу. Король Артур не сдержался:

– Ушёл!

Квазы синхронно пожали плечами.

– А вы ему в этот раз опять лапу отрубили! – говорил наш главком, меняя цвет лица.

Сзади к нам пристроился Батюшка Айболит:

– Опять животине ноги калечат, сейчас оклемается, теперь-то они его точно не поймают. Он от них и в прошлый раз зайцем бегал, а в этот раз они ему опять лапу покалечили, – и расхохотался.

Все откровенно ржали. Настя Лёня виновато пожимали плечами и тупили головы. Эль-Маринель походя отправляла стрелы в кое-где копошащихся и высывающихся из-за построек заражённых. Везде были кошки. Десятки, может быть, сотни котов пришли к нам на стаб. Они лихо вскарабкались по стенкам, сидели на крышах, на деревьях, кое-кто уже пытался залезть в открытые окна и что-то жрал. Все наши люди успели, никто не остался под перезагрузкой.

Не успели прийти из одной экспедиции, сваливаем всё под навес и отправляемся в следующую. Кластеры обновились. Снова телефон Батюшки Айболита, Теремок, Погребок и лес-промхоз. Надо всё успеть. Отделить рогатую животину от заражённых, успеть до того, как бандюки патроны отстреляют и чтобы Батюшка телефон не заташил. Может, кто ещё и переродиться не успел. Но сначала кошки! Надо срочно поймать сколько сможем, это самая лучшая приманка. Всё надо делать быстро, пока они у нас на стабе, а не разбежались по кластерам. Надо пользоваться моментом.

Глава 12. Домик Бабы Яги

– Ах вы стрелы, мои стрелы, стрелы луковые.

Я, конечно, шучу, на самом деле Эль-Маринель пела другое. Но своим стрелам она пела. Вообще, вот этот симбиоз лука и человека очень интересный получился. Знаете ли, Стикс как-то пошутил над разумом человека, но всё, что он забрал, он компенсировал луком и всем, что с ним связано. Стрелы она брала из Терема, но каждая стрела перед выстрелом должна быть как-то там заговорена, обласкана. Большая часть дорогуших сумочек были основой для плетения.

Они самым безжалостным образом разрезались на тоненькие кожаные полосочки, и стрела оплеталась немного за наконечником и немного за хвостовым оперением. Всё очень ажурно, очень аккуратно, узоры плелись от души, и всё это время стрелам пелось.

Эль-Маринель уверена, что поёт просто так, ну а как по нам, так чистой воды транс, и трогать в это время её категорически запрещалось. В принципе, её трогать себе дороже, но в это время особенно запрещалось. Ну а что? Если Настя Лёня своими секирами рубили всё подряд, там хоть как-то объясняется, что Стикс добавляет кинетической энергии, а вот что Стикс добавляет к певчим стрелам Эль-Маринель, вообще непонятно, потому что сам видел, как заговорённые стрелы пробивали деревья в пол-обхвата, ствол металлической пушки и хитин развитых заражённых, который из ПМ не пробить. Это только из её рук стрелы так делали, для всех остальных они были обычной палкой с ржавым наконечником.

Её коронный выстрел, когда стрелы летели как из пулемёта, и стрела влетала твари в прыжке в глаз или пасть и пробивала споровый мешок изнутри. А это, извините, скорость. Она так руберов подлавливала, тех, кто поменьше, валила наглухо. Думаю, и с элитой будет что-то похожее. Утыкать стрелами как подушку для булавок, рано или поздно какая-то стрела достанет.

Сейчас я её собирался прервать по важному делу. Главное, чтобы соизмерить, чтобы дело было настолько важное и интересное, что оно достойно прерывания этого замечательного пения.

– Эль-Маринель Ушастая, у меня к тебе дело.

Вопросительный взгляд. Наверное, решает, убивать человека, посмеявшегося прерывать пение над стрелами, или нет. Вы знаете, у нас люди в основном попадают одни и те же, и если что-то и было на телефонах, мы, как правило, всё это уже взломали, да народ всё своё ценное держать-то в облаках повадился. Поэтому как-то почитать нового не получалось, а всё чернота. Мы бы у смежников файлов почитать взяли, вот звуковой сигнал, обычный разговор она пропускала, а данные – нет. Даже визит нео, поднявший связь на недостижимое качество, ничего не исправил. Данные как раньше не проходили и не обменивались, так и не стали. Только голос.

Сейчас у меня на руках был один великий козырь. Это было то, что привело в наш мир эльфов, гномов и хоббитов, как понимают их современные люди. Нам так и не удавалось добыть Толкина. Я много рассказывал ей о книгах, но оригинала не было, а вольный пересказ – это совсем не то.

И вот к нам попал мертвяк с бумажной книжкой. В руках у него был небольшого формата томик, почти кубик со всеми книгами сразу. Чтобы человек шёл по улице с книжкой Толкина – это событие практически невероятное, просто фантастика. Настя Лёня быстро его засекли и книжку забрали. Хотели сразу Эль-Маринель отдать, но книга была мною конфискована и отложена для такого вот случая. Я достал сокровище. Как в индийских фильмах, злодея и доброго видно по физиономии, и тут вся мимика, вся гамма чувств тоже вылилась на лицо.

Вот достань я сейчас бумажечку и предложи «подпиши вот тут и вот тут, пожалуйста, и в этом месте, пожалуйста, тоже кровью», подписала бы не задумываясь. Или предложи непотребство какое, согласилась бы сразу. Но мне нужно было от неё другое.

– Эль-Маринель Ушастая, мне нужно, чтобы ты меня проводила до домика Бабы-Яги. Бери свои певчие стрелы, и побольше, и давай веди. Потому что Настя Лёня на задании Короля Артура, а вернутся только через неделю, я столько ждать не могу.

Кивок. Да куда там, смотрит на книжку, по лицу видно – в одно ухо влетело, в другое вылетело.

– Эль-Маринель, ты поняла, что я от тебя хочу?

Ещё один кивок. Ага, поняла она там, щассс. Ладно, потом растолкую. Сокровище надо отдавать, а то сейчас отберут. Я тоже подготовился, сходил к себе, взял все патроны и все обоймы, которые были к моему ПМ, но без бойца у нас на кластерах делать нечего. Ещё у святого отца пару обойм взял. Откуда у святого отца пара обойм? А оттуда, что церковь, как и в нашем мире, имеет свои запасы. Он так и говорил: «На благое дело, пусть лежат». Вот благое дело и наступило, тем более дюже интересны Батюшке Айболиту все мои поиски. Пора отправляться. Кластер Бабы-Яги быстро перегружается, и на проход у нас один день. Схватить что надо и бегом. А потом, через две недели, проход снова на один день откроется.

Скорость стрельбы Эль-Маринель впечатляет. Не знаю как для эльфов, но для самки человека более чем зачётная. Два топтуна буквально вывалились сбоку. Бой был красочен и полон мастерства и невиданной храбрости. Настоящее искусство владения луком.

Напряжённый взгляд красивого эльфийского профиля, прекрасная линия спины и горделивая осанка боевой лучницы. Тугой лук скрипел от натуги, и звенела тетива. Стрелы, летящие в цель, во врага, покрытые хитрым плетением, и животная злоба, которую она должна остановить.

Всё это читалось на лице Эль-Маринель, и наверняка было именно так. Но для моего взгляда обычного человека я просто услышал «вжуух, вжуух», повернул голову и увидел, как сбоку два топтуна, стараясь нанести лучнице как можно больше ущерба, плюхнулись мордами об землю, назло ей поломав стрелы. Вот откуда они взялись? Надо как-то лицо попобеднее сделать, а то обидится. Бой-то я пропустил, у меня зрачки не успевают. Извините.

– Я трофеи, а ты следи, возможно, они не одни. Очень они здоровые.

Судя по всему, они одни, топтуны как топтуны, вообще не пойму, что они тут делают. Но боевое настроение нужно поддержать. Победа ведь. Разодрал спортивный мешок. Забрал ценности, можно и дальше идти. До домика Бабы Яги совсем ничего осталось.

Кисляк развеялся, прилетел домик Яги, а в нём Ядвига Сороконожка. Ждём семь минут, переродится или не переродится. У нас люди минут за десять перерождаются. Прозвище она получила за то, что появляется в домике Бабы Яги, а в руках держит пару туфель. Одна пара туфель в руке, а другая пара туфель на ней. Почему она в этом домике появилась, вообще непонятно, вроде как девки говорили, что она была в большом офисном здании и снимала туфли, чтобы потихонечку к шефу пойти, у них там деловое свидание намечалось. Но вторая пара всё равно на ногах появлялась. Вот за эту двупарность и дали ей такое прозвище.

О! Переродилась. Домик Яги почему-то очень маленький кластер, с кривой избушкой. Проходим, забираем туфли, Эль-Маринель ей шею ломает и снимает ещё одни туфли. Это такая традиция. Обязательно забирать обе пары туфель. Но мне нужно не это, мне нужно вот это. Одна страница. Каждый раз прилетает всего одна страница от какой-то очень старой книги, написанной на берёсте.

Современная молодёжь – поколение двоечников, максимум троечников, им попадались эти страницы. В них описывалось как сделать сглаз, как порчу навести, как приворожить. Они их считали никчёмными. Нас в Советском Союзе по-другому учили, особенно на инженерных специальностях. Я-то сразу увидел, что к сглазу была приписана таблица.

Вы когда-нибудь видели, чтобы в цифрах давали силу сглаза? Вот этого насыпьте больше, этого меньше... А коэффициенты, отношения сглаза к силе приворота видели? Это самая что ни на есть техническая документация по колдовству. Только страницы приходят не по порядку,

ни одного рецепта полного я так и не собрал. Теперь вот жду очередной перезагрузки, каждую неделю – новая страничка, прям как в «Союзпечати».

Глава 13. Двенадцатеричная фаланговая система

На стаб я почти бежал. У меня в руках был листик со второй частью рецепта. Зашёл к себе в комнату, верное, в келью. Уж больно всё тут сделано в стиле «Современный человек пытается из глины, слюней и мата слепить что-то для жилья».

Включаю свет. Да, именно так, а что вы думали? Мы тут лучины жжём? Ха, да у каждого заражённого в кармане по мобиле, тут у нас аккумуляторов и светодиодов наковыряно сколько хочешь.

Даже дизайн такой образовался – мобильный телефон и к нему приклеена или прикручена такая палочка и берестяной абажурчик, своего рода экодизайн. Включаешь его, и на несколько недель у тебя есть освещение. Трёхрожковых люстр нет, но настольные лампы есть у каждого.

Разрядился – отнёс в цитадель аккумулятор, там наши умельцы его зарядили, и снова пользуюсь. Можно ещё музыку послушать и фильмы посмотреть.

Страницы из берёсты очень интересные. Почему из берёсты? Так понятно, они старинные, древняя книга может быть только из берёсты.

Так, читать. Некоторые страницы повторяются, их можно сложить стопкой. А если не сложить стопкой? А если не надо читать, а надо смотреть, а что смотреть? Блин! Этот старославянский, через три слова непонятно, ещё и рисунки. А если рисунки смотреть, а если смотреть страницы вместе? А как вместе? Вместе, рядом! При свече их смотрели, при свете фонаря смотрели. Во-о-о-от. При свете экрана мобильного телефона никто не смотрел до этого. Посмотрел на просвет. Либо лыжи не едут, либо эксперт-криминалист из меня хреновый. Наташил кучу страниц, и только один рецепт полный.

Мда-а, с этим ещё старославянским. До буквы «хер» всё нормально, я серьёзно. Правда, как всегда, серьёзно. Всё почти как у нас, а вот после буквы «хер» начинаются вообще ужасные знаки, а тут, понимаете, колдовство – не так прочитал, не туда посмотрел, не ту жабу растолок – хвост отрос, а если хвост отпал? Ладно, тут Стикс – хвост отрубят или откусят – отрастёт, а вот если отколдуешь, отрастает?

Нужен звонок другу. Надо топтать к Батюшке Айболиту.

– Святой отец, не хотите на одну шнягу посмотреть? – издалека я спрашиваю.

– Ну что ты там такое нечистое, богомерзкое задумал? Ну ладно, давай, говори, чего у тебя.

– Вот, смотри. Я книжицу Бабы Яги собрал.

– Тьфу, давай сюда. Так. Ага.

– Ну, это на старославянском, «хер» там буква и прочие, – поясняю я свою проблему.

– Изыди, не отвлекай, дай почитать. Так, так, ох ты ж...

– Ну что, святой отец, как вам чтение перед сном?

– И что тебе там непонятного?

– А вот это таблица на старославянском. Ничего не получается, я пробовал рецепт.

– Глупые вы. Нет Гугла и знаний нет, так ещё и морда у тебя наглая.

– Так в чём вопрос, святой отец?

– Оттого, что это старославянский. Древний язык, много чего изменилось, то, что раньше на голову надевали, теперь вы под зад подкладываете, и ценности были другие, и цифры были другие. Вот что у тебя на руках?

– Пальцы.

– А сколько у тебя пальцев?

– Ну, пять.

– Эх-х-х, и сколько ты этими пальцами насчитать можешь? А фаланг у тебя двадцать четыре, на каждой руке по двенадцать, а так всего десять. И цифры поменялись, цифры по-разному писались. То, что ты за четвёрку принимаешь, была пятёрка, двойка и тройка вообще другие, они на буквы похожи. Давай сюда свою бабью-ягушную книгу, эту погань читать приходится.

– Таки надо, святой отец.

– Да знаю я, у тебя всё надо. Головы у вас пустые. А тут не только цифры перемешаны, тут ещё и тильду используют. Титло по-старому. Загогулина над буквой её в цифру превращает.

– Батюшка Айболит, у меня с образованием вроде как ничего, я ещё в Советском Союзе учился.

– Не тому учился и не там.

– А вот представляете, мы с вами на одном факультете, например старославянского, в церковно-приходской за соседней партой лясы точим?

– Сгинь, не мешай читать.

Когда я это читал, то понимал рецепт как рецепт, и с тильдами разобрался, кстати, сам. Но для меня взять А-тильда кровавую слезу дракона и от 84 до 100 горючих слёз демона, взять столько же испражнений большой крысы и Б-тильда маковых семян, читалось как одна красная от 84 до 100 чёрных, 84 горошины и два спорана. Но Батюшка Айболит всё пересчитал по-своему. Оказывается, такая удобная система дюжин, в то время была повсеместна, и с обозначением цифр проблем не было, хоть двадцатеричная, ставь тильду и готово. Двенадцать фаланг, и большой палец как указка. Да, теперь понятно.

Святой отец стоял и ухмылялся, ему явно нравились те моменты, когда он меня в нашем дружеском соперничестве мог мордой в говно макнуть. А я размышлял вслух. Это, знаете, хороший способ советоваться, наблюдая за реакцией собеседника. Вроде всё сам, но помощь зала...

– Получается, от 84 до 100, это от 85 до 100, потому что четвёрку пишут как пятёрку, и в долбаной двенадцатеричной системе это от ста одного до ста двадцати четырёх примерно. Так?

– Да. Согласен, – в своей обычной манере кивнул наш глава духовной власти.

– Мы пробовали чёрный жемчуг закладывать по минимуму, по максимуму и по оптимуму, а надо было в другом диапазоне. А давайте мы с вами попробуем сделать?

– А давай, это недолго.

Две любопытные морды склонились над деревянным ведром с вонючей, густой и совершенно гадостного цвета жижей. Нечто цвета кала с перламутровыми включениями имело запах гораздо хуже и находилось в постоянном движении.

Поворачиваюсь к своему подельнику по всяким непотребствам:

– Что-то мне эти жидкости не нравятся, даже как-то рукой соваться не хочется. Давайте попробуем процедить? Раньше такой консистенции я не добивался.

– Ага.

Когда происходил процесс процеживания соплей через тряпку, вонь стояла страшная. Один подозрительный комок я поддел деревянной ложкой и водрузил на тарелку для экспериментов. Немного повозил по тарелке мерзкую субстанцию и не поверил своим глазам. Святой отец почти шёпотом, боясь вспугнуть наваждение, сказал:

– Зелёная. Как есть зелёная. Дай сюда. Настоящая, руку греет. Зелёная.

– А что по этому поводу у Бабы Яги сказано?

– Создатель может силу великую высвободить, а есть у тебя эта великая сила?

– Вот уж не знаю, святой отец. Вот у вас есть умения и шестопёр, он великую силу высвобождает. Как дадите по голове, мозги в космос летят. А что у меня за сила великая – честно сказать, и не знаю, и как высвободить не знаю. Не сказано, что с освободителем будет? Баба Яга тут ничего не написала?

– Нет. А Баба Яга ли?

– Да нет, думаю, это кто-то знающий книгу написал, мы-то не знаем, с какого мира мультиверсума или каких миров книгу эту разорвало, да и все ли страницы с одной книги? Вот он, один рецепт нам и выпал.

Лицо священника мрачнело всё сильнее. Он совсем сник и продолжал:

– Может, он и раньше выпадал, и нас предупреждают? И не пишут всякую ерунду, как например, живчик готовить, то, что мы и сами тут обнаружим, а что-то действительно важное. Но ты всё равно помалкивай.

– Обижаете, святой отец. Чтобы главный специалист по взаимодействию с эльфийской диаспорой, утешальщик всех страждущих болтать начал?

– Не ёрничай. Чует моё сердце, мы с тобой такую штуку раскопали. Ох и аукнется нам ещё это. В рецепте сказано – тут все силы великой носители, а вот высвободить её не все могут, лишь единицы.

Бородатое лицо священника повернулось ко мне.

– А ты, морда наглая, ещё и разносчик, вот поэтому мы и не оборачиваемся. Похоже, все иммунные и есть носители.

– Ну и что будем делать? А, святой отец?

– Не знаю. Жемчужины едят.

– Ну да. Только я что-то не очень хочу есть, и не сказано ничего хорошего. Вот буду владеть величайшей силой, а что это за сила?

– Да. Согласен. Сам хотел сказать, чтобы с поеданием ты повременил.

– Я вам хотел предложить.

– Сам жри. Но попозже, лучше думай, что нам теперь с ней делать. Прятать её нельзя, пусть будет всегда на виду. Я не хочу её у себя держать. Вот ты сделал, и таскай эту дрянь. И подумаешь заодно.

– А почему я? Вроде как...

– Нет, это ты. У нас всё, что не так, это только ты организовываешь.

– Странно. Такое ощущение, что это мне уже говорили. И как её таскать? В кармане, или в нос серьгу сделать?

Получил неодобрительный взгляд. Вот как у кого крышу сорвало, так «Добрая Милая Крёстная, у него срыв, иди ставь голову на место», и кто бы похвалил, а тут такую штуку отрыл, и опять не так. Представитель святой церкви думал, а потом продолжил:

– Крест. Я тебе крестик слажу, будешь таскать. Здесь многие такие носят, мы её с другими камнями вклеим, о зелёной жемчужине, почитай, никто никогда и не слыхивал, а твои волкодавы около тебя круглые сутки крутятся. Десять раз даже тупой отморозок подумает, надо ли тебя обижать, и не дай Боже чего-то с тебя снять.

– Это да, Настя Лёня они такие. Решили, что я у них самый главный, и практически не отходят.

– Вот-вот! Ты крест носи, заодно, может, и проснётся в тебе что-нибудь приличное, а они присмотрят. Ох и не хочу я у себя эту штуковину держать, ох не нравится она мне. Вот веришь? Нет? Чувство у меня такое, что силища в ней и правда защита такая...

– Ну и, разумеется, недоброе?

– Разумеется, недоброе.

Батюшка Айболит положил жемчужину в небольшую металлическую коробочку и сунул в карман. Огляделся по сторонам, как будто тут нас мог кто-то подслушать. Глубоко вздохнул.

Через два дня из рук святого отца я получил аккуратное распятие. Украшенное довольно простыми камнями, но очень искусной работы. Спаситель вырезан прям на дереве, не очень точно, но видно, постарались. Наверное, это лучшее, что смогли сделать для нашего Батюшки. По его личной, очень личной просьбе. На торцах вклеено десятка полтора разного рода камней

вроде бирюзы и яшмы, что смогли наковырять из украшений, которые попадают с нашими заражёнными, всё аккуратненько, красивенько. И если бы я точно не знал, где именно эта жемчужина, и не нашёл бы сразу, и не сообразил.

Надел на шею. Батюшка Айболит довольно улыбнулся. Ну вот, заядлый еретик, вольнодумец и с его слов охальник, хотя лично мне об этом ничего не известно, вернулся в лоно церкви. Аминь.

Глава 14. Грядёт страшное

Всё было как обычно. Лапка енота в прицеле из телефона касалась элитника, выстрел, ещё один выстрел. Пудовые ядра улетали, кошки, собачки, бурундучки совершали свой полёт, и вот очередное ядро попало элитнику куда-то в корпус. Он, как положено, взвыл, удар такой, что шкура не всегда пробивается, но пуд чугуна – это пуд чугуна. И он прыгнул к нам, своим жестоким обидчикам. Нас всё устраивало. Меньше тратится на отпугивание соседей, пока они его, раненого, не сожрали. Ближе кидать, меньше тащить.

Но в этот раз он прыгнул дважды. Вы представляете? Один раз прыгнул, и через секунду прыгнул второй раз. Упал и умер. Но дважды. Дважды в нашей черноте никто не прыгал, не шагал, не бегал. Я достал «макар», вытащил обойму, выщелкнул патрон, посмотрел на таймер на прицеле и швырнул пистолет в черноту.

1, 2, 3, 8, 10, 11. Бым! Разорвало. Одиннадцать секунд. У нас ядра с царапинами не всегда долетали, а тут одиннадцать секунд, а это «макар» – порождение технологий XXI века.

Мужики веселятся, ближе тащить, вот недоумок, допрыгался. Вот уж недалёкие.

– Зойка Свинюка, дай сюда мобилу. Где телефон Полковника наших соседей?

– Привет, Полковник.

– Привет, Добрая Милая Крёстная, чего это ты решил позвонить?

– Я ПМ кидал в черноту, 11 секунд.

– Не понял?

– Баран. Давай, соображай быстрее, мне кидать-то больше нечего.

– Жди.

Трубку положили, а через три минуты пришёл звонок:

– Ты?

– Я.

– Мы туда 47-й «калаш» кинули, самый древний, что нашли.

– Ну?

– 12 секунд.

– Хреново.

– Ага.

– Завтра ещё что-нибудь киньте, а то у меня негусто с «макарами».

Подходит святой отец:

– Ну?

– Пока не знаю, Батюшка Айболит. Но, похоже, вам лучше шестопёр подточить.

– Так всё плохо?

– Пока не знаю, завтра смежники доложатся. А там можно будет прикинуть.

– Держи меня в курсе, а народу пока ничего не говори.

Мир другой, а как всё в церкви организовано. Мы с Полковником ещё не успели прокатать результаты технологического эксперимента, а церковь уже хочет быть в курсе.

Плотная чернота держалась две недели, ослабляясь на пару секунд, а потом резко спала. Если бы я не заметил изменений, открытие Пекла стало бы сюрпризом, и никто бы не успел подготовиться.

Под нашими стенами было колышущееся море заражённых. Одна волна находила на другую, только вместо воды были твари. Не скажу, что их было много, их было просто несчётно. Они шли нескончаемым потоком, все вместе, вперемешку, бегуны, топтуны, руберы, элитники. У них была своя цель, неизвестная для нас, не понятная никому, и мы были на пути этой цели. Вот первая волна перевалила через наш ров. Огонь пошёл, ров заполнился пламенем. Кустарно сваренный напалм горел ярко, с синевой, гулом – на редкость удался. Даже не

верится, что это можно сварить из материалов двенадцатого века. Мужики варили самогон, собирали смолу, масло, растирали в порошок пластиковые корпуса телефонов, кремы, таблетки, подошвы обуви, лаки для ногтей, подкладки курток. Боевая алхимия. Пламя ревело. Твари, проходя через ров, горели живьём.

В обычных условиях они бегут от огня, по крайней мере, не подходят к огню, а тут они пёрли, горели заживо и пёрли. Огонь гас, его просто затоптали.

Под заражёнными начала проваливаться земля – это наши ловушки, ловчие ямы, утыканные внутри всяким железным барахлом из терема. Эффекта ноль, просто есть немного времени сделать ещё один залп из наших орудий.

Заражённые перевалили через рвы и подступили к нашим минам из древних плетёных пушек. Белая стена взметнулась на много метров, трупы тварей, куски, раненые, всё это разлетелось в стороны. Огня почти не было. Стена белого дыма и кучи осколков. Куски колец, из которых сплетены пушки, железные дуги, с гулом, бешено вращаясь, вылетали из белого облака и многокилограммовыми кувалдами долбанули об стену. По нашей крепости грохнул железный град. Целая полоса мяса, кишок, покалеченных заражённых образовала брешь в волне тварей. Кости, внутренности, шевелящиеся куски тварей ещё некоторое время падали к нам за стену. И тут же ещё горячую землю захлестнули заражённые, напирающие сзади. Теперь только в ножи, топоры, кулаки держать стену и цитадель.

Есть такая хорошая тактика. Как-то один из китайских кормчих сказал, что он готов завалить перешеек между континентальным Китаем и Тайванем трупами своих солдат, чтобы потом по ним прошли танки. У нас было так же. Просто по одному слою трупов шли другие, следующий слой – и наша стена на один слой ниже.

Мы не успевали перезаряжать орудия, которые били беспрестанно, мужики таскали ядра, таскали картечь, орудия просто горели, стрелы летели вниз, пищали надрывались, а твари пёрли и пёрли стеной.

Обычно хитрованские руберы и элитники искали обходные пути. Бывало, мы по двое суток одного рубера по леспромхозу гоняли. А тут они просто шли напролом – сильно, жестоко, быстро, но тупо.

От пищалей, арбалетов и стреломётов толку было мало. Работали пушки, Эль-Маринель со своим неадекватным Бубликом и рукопашники со своими умениями. Все остальные больше добивали раненых заражённых, сдерживали и отвлекали, чем наносили урон.

Как у меня слезятся глаза, а надо быть очень осторожным, особенно с картечью. Бьём через головы рукопашников, все уже от усталости падают, всё делается не на пределе человеческих возможностей, а далеко за их пределами, но что такое скорострельность древних орудий, когда твари идут плечом к плечу.

Эль-Маринель скакала по краю цитадели, отправляя стрелы одну за другой, как из пулемёта. Её певчие стрелы давно закончились, и мужики ей подтаскивали бочонки со стрелами из Терема. Мы всегда их забирали вместе с порохом и плетёными орудиями.

Твари уже пёрли на стену. Я как чувствовал, что стена быстро будет подмята и орудия надо ставить сразу на цитадель. А как я ругался с этими любителями эшелонированной обороны! На стене оставались только рукопашники, и всё чаще заскакивали немаленькие, а мы бы им только мешали.

В обычной жизни Настю Лёню мы не отличали вообще. Сапожищи ужасного размера, самосшитые, у людей таких ног не бывает, огромные шаровары и просторные рубахи.

Перед самым нашествием мы всем стабом им сюрприз готовили, доспехи под их размер ковали. Чёрный воронёный доспех – Лёня, полностью закрывавший его от головы до пяток, и красно-оранжевый, что тут можно было найти из нормальных красок – Настя, это девки с цветом постарались.

Квазы приняли доспехи с благодарностью, но на цвет уркнули, что им по барабану, кто из них какой цвет носить будет.

Сейчас половина краски на доспехе была сорвана, сплошь вмятины, кратеры и рытвины от когтей тварей. Безобразно загнутые края и ни одной целой детали, всё щедро перемазано кровью заражённых. Дранные Настя Лёня – пушной северный лис приблизился к нам мягкой походкой.

Глава 15. Ядвига Сороконожка – спасительница

Огонь, стена, заражённые пёрли по трупам, трупы валились вниз со стены, нижние напирали вверх, а заражённые уже переваливались во внутреннее пространство двора между стеной и цитаделью. На стене оставались самые лучшие бойцы, все остальные перешли по мостикам в цитадель. Если хоть на секунду остановиться, то заражённые просто захлестнут их. Орудия били с цитадели не переставая. Мы били в упор, между рукопашниками неслись ядра. Собственно, это было уже всё, если развернуться сейчас, то заражённые мгновенно захлестнут стену, а если стоять, то это всего несколько секунд дополнительной жизни.

Король Артур, Батюшка Айболит, Настя Лёня. Избитая фраза «стояли по колено в крови» здесь не подходила – они стояли по пояс в кишках. Не фигурально. Чёрный и оранжевый доспех металась от одного заражённого к другому, святой отец, узнаваемый по контуру, поскольку весь был покрыт кровью, и меч Короля Артура, почему-то совсем не пачкающийся, в отличие от хозяина, несли смерть прибывающим тварям. Несколько секунд, и надо будет рубить мосты. Для воинов на стене это была смерть.

Мы не успевали. Настя Лёня падали от усталости, Батюшка Айболит был весь покрыт кровью, даже белки глаз были с кровавым прожилками, Адольф Штирлиц и Король Артур валились с ног, а твари всё пёрли и пёрли. Трупы тварей не успевали падать со стены, подхватывались снизу, так и выпирали вверх идущими позади.

Нам нужна была передышка. Несколько секунд, чтобы отвести людей на мосты. Но секунды закончились. Совсем.

Всё наступило одновременно. Ревущий трэш-металл, экстаз тварей, Настя Лёня, присевшие от неожиданности и замершие на мгновение, святой отец, начавший креститься, орущий Король Артур и охреневшие мы все.

Она стояла метра в двадцати над землёй, на тросе, перекинутом между цитаделью и часовней. Ядвига Сороконожка, босиком, с изрезанными стопами, с которых капала кровь, с огромной кастрюлей в руках, из которой ревел трэш-металл, шла по стальному тросу. Твари, бросив стену, прыгали, чтобы достать её. Элитники делали огромные десятиметровые прыжки, руберы бегали внизу, мелкие твари просто разлетались у них под ногами. У бойцов появилось несколько секунд. Мы тварям больше были не нужны, они хотели её, такую громкую и вкусно пахнущую.

Из кастрюли гроыхало! Упругий ритм заполнял весь объём. Было видно, как Явига Сороконожка качала своё умение. Безобидное умение, даже глупое, а для Стикса опасное.

Она могла резонировать звук. Держишь в руках телефон, а он поёт вдвое-втрое громче, как на концерте, объёмно. Напьются девки, сядут около Ядвиги Сороконожки и поют. Звук как будто в горах или на сцене театра. А сейчас она во всю силу отдавала умение.

Солист в кастрюле испражнял песню кишечным вокалом. На тяжёлых концертах живого звука мне так не дёргало внутренности и не отзывалась в зубах. Ядвига отдавала себя полностью, качала по максимуму, стоя на стальном тросе, капая вниз каплями крови.

Наши рукопашники сломя голову пронеслись по мостам. Удары оружия и натяжные мосты полетели вниз.

Кастрюля полетела вниз, выпав из обессиленных рук. Мы все орали Сороконожке, чтобы она пошла к нам. Тело спасало хозяйку. Оно сразу видно по глазам, когда человек идёт, а когда тело ходит просто на инстинктах, чтобы выжить. Сделало несколько шагов в нашу сторону и начало заваливаться.

Хе-е-ех! Казачья пика, Древняя Спарта, Куликовская битва и много где ещё! Удар, когда открываешься полностью, и полностью вкладывая всю скорость, всю силу в тот единственный удар наверняка. Когда расстояние равно длине копыа плюс длина вытянутой руки. Ухватка

зацепилась за ногу Ядвиги. Хруст костей, вывернутые суставы и вырванный кусок бедренной кости, распоровший сарафан. А ещё вздувшиеся от напряжения вены на лице Гостя из Будущего. Он успел подцепить девушку в падении и удержал. Тело повисло над внутренним двором, между стеной и цитаделью, где бесновались заражённые. Через секунду в ухватку уже вцепились несколько рук наших мужиков-силачей. Перетащили, подняли на руки. Вывернутые ноги и раздробленные кости зарастут, главное, чтобы головой не двинулась. Уже и Батюшка Костолом спешит, грубо распахивая народ локтями и ругаясь. До свадьбы заживёт, если, конечно, в Дурке пересидим.

Глава 16. Отмахались

Твари кончились. Оставшиеся в живых ушли вперёд, а в пяти километрах от нас, около кластера, где Погребок, уже было видно очередную волну. Она стояла, шевелясь живой массой. Никто не знал, сколько это будет продолжаться. Нашествие шло гораздо хуже, чем то, с чем столкнулись наши предшественники.

Наше первое героическое сражение прошло на плоскости одной стены, мы только оборонялись от заражённых, которым стена мешала пройти. Если бы нам пришлось защищать весь периметр, то нас бы давно сожрали. Такая же ситуация была и у смежников.

Завалы из трупов поднимались под самый верх оборонительных сооружений. Соседям легче, у них есть пулемёты, автоматы и мины, а не топоры, стрелы и пищали. Но даже отсюда было видно, что досталось им намного сильнее.

К счастью, у нас есть фанат обороны и подготовки к осаде – Король Артур. Все эти годы мы строили, копали, таскали, варили напалм из самогона, сотовых телефонов и галош. Наша стена подросла до высоты четырёхэтажного дома, а цитадель имела высоту метров двадцать.

Отмахались. Большинство валяется вповалку, а кое-кто уже погрузился в сон. Батюшка Костолом и Сестра Ася носятся между ранеными. Раненых очень много, с обожжёнными по самые кости руками, откушенными или оторванными конечностями.

Пасторальная, идиллическая картина. Ко мне только сейчас начинает возвращаться слух после такого количества выстрелов. Глаза слезятся от дыма.

Сглазил! С выпученными глазами и телефоном на вытянутой руке к нам бежит Зойка Свинока и орёт:

– Добрая Милая Крёстная, тебя к телефону!

– Чего?

– К телефону!

– Кого?

– Тебя!

Номер был неизвестен.

– Алло?

В трубке раздался незнакомый голос:

– Добрая Милая Крёстная, сейчас мы к тебе на броне подойдём, поедешь с нами.

Я скорчил возмущённую гримасу. Говорившего в трубку не видно, но энергетика! Особо выкобениваться я не собирался, но уточнил:

– А меня кто-нибудь спросил? И это кто?

С той стороны телефон был включён на громкую связь. Я услышал голос Полковника:

– Это я, ты нашим соседям очень-очень нужен... Заберём, вернём, наградим!

– Да я, в общем-то, и не против, не отказываюсь, но как-то со временем вы, похоже, не того. Не очень удобно.

– Всё удобно. Это смежники нам броню притащили, много чего ещё притащили, без их помощи мы бы не выдержали. Поможешь? А?

– Да я-то, в общем, и не отказываюсь, просто неожиданно как-то в гости, не вовремя.

– Самое время! Тебя в другой раз и не вытащить. Жди.

Откуда-то появилась типа броня. Почему типа? Ну, потому, что нормальных взрослых танков я увидел всего два. Т-80, не очень новые, зато покрытые динамической защитой, с пулемётом, вполне бодро ездили по трупам заражённых, увязая в кишках по самый верх траков. По краю всего этого безобразия ездили совсем первобытные танки неизвестных мне моделей – советские лёгкие, я их только по игрушкам знаю. Это те, у которых на полном серьёзе дырку

в башне делают, чтобы командир мог через эту дырку из табельного нагана по врагам пострелять, тем самым значительно усиливая огневую мощь сего бронетворения.

О! Т-34, где они его откопали? Точно, танковый музей грабнули. Этот какой-то странный, может, который самый-самый первый.

Поворачиваюсь к Королю Артуру:

– Ну что, Абдулла? Поджигай!

Не понимает. Ах да! В его же мире всё по-другому. Пока наши демократы «Белое солнце пустыни» обсуждали, толерантно ли женщин в железную бочку совать, а сверху пулемёт ставить, или, может, всех жён одна актриса играла, только паранджа разная, они. Афган с Пакистаном, в единую Афгано-Пакистанскую народно-демократическую исламскую социалистическую республику собрали. От нашего Джамшут-Равшантостана прямо до Индии. Порядок навели и никакой войны. Теперь у них в горах какую-то жутко нужную специю для медицины выращивают. Мир другой, социализм и мирная жизнь, а занятия в афганских горах те же, что и у нас – нужную для медицины всего мира специю выращивать.

Так, ставлю себе заметочку – на эндемичные темы не шутить. Вот буду раскрывать тему сисек – это всегда всех улыбало.

Смотрю на Короля Артура:

– Надо зажигать внешний периметр, собираем спораны, раз уж есть доброволец. Меня на броню заберут, а вы все в Дурку.

Король Артур внимательно меня слушал, а в голове прикидывал потенциальные трупы, если бы мы орудия поставили на стене, а не на цитадели.

Глава 17. Шефская помощь

Фактически мы сделали дыру в волне. Обороняли только одну сторону, десять метров вправо от цитадели и десять метров влево, остальные твари проходили мимо, вообще не обращая на нас внимания. Мы израсходовали почти все ресурсы, еле вытащили рукопашников и готовы уходить в Дурку, бросив бойцов на стене. Собственно, этим и надо было сейчас заниматься.

Не знаю, как пойдёт дальше, но сейчас мы не потеряли ни одного человека. Было немало раненых, просто жёванных, но Батюшка Костолом уже трудился. Даже Ядвига Сороконожка после такого использования дара приходила в себя. Ничего, срастят ноги, а если срастят криво, то опять переломают и срастят, пока ровными не получатся.

Над нашей цитаделью реяло знамя, разумеется, красное. Я бы скорее повесил чёрное, но меня бы не все поняли, да и красное – это тоже моё знамя. Разумеется, если бы сейчас цитадель взяли заражённые, то срывать знамя никто бы не стал. Так бы оно и реяло, но без нас, как память над могилой. Но сейчас это было красное знамя победы.

Подошла броня. Две «восьмидесятки» и два «Урала», тяжело загруженные, измазанные в кишках заражённых по самые водительские стёкла. Спрыгнули мужики, и Король Артур побуждал обниматься. Оказывается, Полковник – это его сослуживец или одно-чего-то там... Но неважно, началась разгрузка. Я так понял, что нам оказывают гуманитарную помощь. Грузили ящики с патронами, гранатомёты, автоматы, «Утёсы» – всё то, чего у нас на стабе отродясь не было. Пользуясь тем, что чернота открылась, они нам решили сгрузить железа. Не могу сказать, сколько там боекомплектов, но привезли кучу материалов, привезли ножи, пилы, плоскогубцы и штангенциркули, всё новенькое, нержавеющей – красота. Грузили станки, генераторы, красочные коробки – два «Урала» полезностей.

Наши что-то выгружали в ответ, сыпанули соседям чёрного жемчуга, у нас-то красного полно, мы едим его на пределе возможного, а чёрный у нас, кроме Насти Лёни, никто и не ест особо. Отсыпали что-то из этнического натурального хозяйства в бочках и мешках.

Ко мне по наспех натянутым переходным мостикам карабкались несколько человек в добротной военной форме в сопровождении Короля Артура.

Метров за пять незнакомый мне вояка, шедший рядом с Полковником, сказал:

– Добрая Милая Крёстная?

Стою, ухмыляюсь. Не очевидно? Да? Ух, попадись мне этот старикашка ещё раз. Я бы ему за это имя оставшиеся конечности поотрывал и глаз на поясницу пересадил, чтобы на жопу удобней было натягивать. Киваю. Я, мол, это, как пить дать я.

Незнакомый вояка продолжал:

– Мы вам тут, думали, богатства привезли, а вы нам жемчуга груды отгрузили, что наши парни охренели.

Я пожал плечами. Всё мирское мне как-то по барабану.

В разговор вступил Полковник:

– Сейчас будем вас закрывать, забирать никого не будем, всё очень плохо. Даже хуже, чем ты говорил. Уже везём.

Подошёл окровавленный силуэт святого отца. Перемазан кровью заражённых и своей. В такой бойне без ран не обошлось.

Я спросил:

– Слышали, Батюшка?

– Да, согласен. Просто чудо, что мы первую волну отбили. Вторая точно захлестнёт, нам только шапками осталось откидываться.

К разговору подключился Полковник смежников:

– Сейчас вам детей ещё привезут в Дурку. Мы их напополам поделили. Самых маленьких в танки, больших просто брать некуда. Сейчас такие твари пошли, БТРы и бронемашины рвут. Факт. Наши не удержатся, даже с бронёй.

– А то, что своих детей получите через хрен знает сколько лет и взрослыми людьми, ничего?

– Ничего, пообщаться телефон есть. А мы не удержимся, всех потеряем, и не факт, что родители в живых останутся. Такого никто не ожидал, даже представить себе не могли, что тут будет твориться. Это наш первый такой приход орды. Ждите, должны успеть. У вас там место есть в Дурке?

Король Артур уверенно кивнул:

– Место есть.

Незнакомый мне вояка уверенно влез в разговор:

– Не бойсь, с кормлением привезём, всё нормально будет.

Король Артур отдавал распоряжения:

– Настя Лёня, помогите гражданским и давайте помогайте собираться. Следите за тварями, что здесь ошиваются, – вы последняя линия обороны.

Он, конечно, загнул про гражданских, у нас все хорошо обращаются с оружием. Наш кластер вообще богат на таланты, пять, шесть, двенадцать, а то и больше умений у каждого. Бывают мирные, а бывают боевые. Негражданскими наш руководитель называет тех, кто превратились в настоящие машины смерти.

Настя Лёня, Адольф Штирлиц, Эль-Маринель со своим луком и стрелами, не подчиняющимися никаким законам физики – деревянной стрелой лучница пробивает ствол чугунного орудия, святой отец, приловчившийся шестопёром ломать шею рубера, – вот кого он называет «негражданский». Это всё боевые умения Стикса.

Вот представьте. Вы собирали всё необходимое в свою кладовую десять лет. Всё аккуратно складывали, вели градацию продуктов, что испортится, что не испортится. Подбирали самое лучшее, с самым большим сроком хранения. Знали каждую консерву, каждую дату, вами была лично обласкана каждая пачка спецрациона и банка тушёнки...

У нас нет консервов, у нас всё сложнее, у нас каждая бочка, каждая кадушка с квашеной капустой, грибочки, ягоды сушёные, мочёные, сало, копчёное мясо, яйца в соломе, вода в бочках... всё может пропасть, скиснуть, забродить и протухнуть...

А теперь стояла задача – за полчаса увеличить запас продуктов вдвое и собрать спораны.

Вонища! Первое, что приходит в голову, это вонь, но стресс такой, что все продолжают работать. Поблевал немного и опять за работу. Притащили бочку с водой, чтобы попить после рвоты все могли. Под стеной, до самых рвов, в несколько слоёв лежали заражённые. Многие из них валялись кусками, с выпущенными кишками. Рукопашники уже проконтролировали и теперь разбрелись на периметр.

Споровые мешки отрывались с мясом, брали только самых крупных элитников, руберов и самую мелочь. Собирали только спораны и самые лучшие, потенциально красные жемчужины.

Детвора рвала зелёные фрукты с деревьев, искала и собирала все оставшиеся запасы продуктов. Дурка превратилась в склад продуктового магазина на очень нерусском рынке. Даже зерно в шелухе появилось, и как его потом буду готовить в замкнутом пространстве, непонятно. Вместо мешков завязывали рукава и горло рубашки, а затем насыпали зерно и крупу. Тащили всё.

В пяти километрах стояла следующая волна тварей. Никто никогда не поймёт логику таких орд. В первой волне нас ударила только та часть, которая шла вперёд. Если бы заражённые свернули вправо-влево, то нас бы уже не было.

Фактически мы обороняли только одну фронтальную стену, да и стену, собственно, они у нас взяли, мы отошли к цитадели.

Вдалеке показались ещё три «Урала», бензовоз и БТР. Достаточно шустро проехав по трупам заражённых, они не стали разгружаться, просто приткнулись к разным местам строений нашего стаба, мужики пересели в БТР и укатили обратно.

– Это шефская помощь, – пояснил мне один из вояк-смежников, которого отправили мне помогать, и он работал рядом. Соседи, засучив рукава, помогали в нашей грязной работе. – У вас же тут ничего нет, всякого современного тут притащили, ну и бензинчика немного.

– Выкупать меня собрались?

– Не без этого, но ты не переживай, нам и так сказано было просто взять и отдать. Ты всем и так нормально помогаешь.

– Значит, у нас цивилизация будет. А что не разгружаем?

– А на фига? Нашествие пройдёт, будете живы, вылезете из Дурки и разгрузите. Крупняк, стволы, жратву мы вам разгрузили, а тут станки, всякая дрянь невкусная. Водилы «Уралы» к стенке поприжали, чтобы заражённые не перевернули.

– Понятно.

Подкатали ещё четыре «Урала». Выгружали подростков и детей. Мой компаньон продолжал рассказывать:

– Совсем маленьких детей с женщинами мы уже вывезли. Кое-кто остался, но мы оставили здесь, почитай, только смертников. Тех, кто сможет уйти в броне, забрали, а сейчас пояса мин обновляем. Подорвём, потом отстреляем БК и будем уходить. Здесь мы просто должны тварей подержать. Кстати, ваш Дурдом уже принят на вооружение.

Он вздохнул и зло глянул в сторону стоящих вдали заражённых.

– Жалко. Мы раньше над вашей Дуркой ржали от души, а теперь плакать хочется, когда твари вперёд вырвутся и очередной караван с детьми рвут. Будем к следующему нашествию такие же, как у вас, рыть. Ну что есть, то есть. Так что принимайте нашу молодёжь. Держать тварей мы будем уже на следующем рубеже. Там мы по-серьёзному уже готовимся, окапываемся.

Глава 18. В путь

Далеко за спиной остался разгорающийся факел Дурки. Меня забрали. На мои предложения помочь и поучаствовать в процессе сказали, что и без меня есть кому, вали, короче, отселя. Одежда, удобные красные сапоги, палаш, кусок сала по древнему рецепту копчения двенадцатого века, горсть чёрных жемчужин, горсть горошин, споранов и фляга с живчиком на самогоне из медовухи. Всё. ПМ не брал, пообещали, что у меня «калашей» будет, сколько хочешь, бери любой и пользуйся на здоровье.

Хлипкий мост машины прошли штатно. Сооружение на вид старенькое и шаткое, но у мужиков всё просчитано, проверено. Первая броня прошла без проблем, а затем мы. Как наш танк зашёл на мост, с урчанием и свистом появились сразу три твари. Вот уж мама-уродиха могла гордиться своим потомством! Представьте птицу, которая не летает, огромный клюв и тело, как у коровы с кривыми ногами, которая под седлом полжизни провела. И это всё набросилось на наш танк сзади. Заражённые клевали корму и пытались опереться передними лапами. Не знаю, из кого они там переродились, то ли из коровы, то ли из дятлов, то ли из долбодятлов, но стук был дикий, меня кидало из стороны в сторону. Хорошо, на меня шлем надели, я головой ударился бессчётное количество раз.

На дополнительный десяток тонн мостик явно не был рассчитан, а по нему ещё и граница кластера проходила. Он был состыкован из двух крепких, но не связанных частей. Сооружение под весом танка и тварей обвалилось, и броня полетела кормой вниз. Грохот был такой, что в глазах заблестело. В Стиксе здоровьем все покрепче будут. В нашем мире у меня от такого удара уже было бы обширное сотрясение всего сразу. Слышу, стучат в люк, орут:

– Мужики, что у вас? Нормально? Живы?

– Живы. Что там? – это наши парни выползают, и меня выволокли.

Вылезает. Одну тварь придавило наглухо, две другие в дырах. Огромные, по несколько тонн каждая. Да, мужики тут умеют стрелять, автоматов практически не видно, всё крупняк, либо дыроколы, либо ружья на слона. У каждой машины на крыше крупнокалиберный пулемёт, обычных 7.62 практически нет. Остальных тварей уже добились. И досталось же нашему танчику. Через минуту стало понятно, что отъездила наша «восьмидесятка», ей сорвало мотор. Ещё бы, с такой высоты кормой. Зад танка был весь исклёван. Наверное, никто не мог удержаться, чтобы не высказаться по поводу половой ориентации наших нападающих, и где таких долбодятлов, неправильно ориентированных, выращивают.

Если бы они не присели на корму, танк бы вышел и всё бы обошлось. Ладно, это всё лирика. Перегружаем снаряды, пока наши срезают споровые мешки. У нас одна броня, между прочим, самая лучшая, мы-то всё остальное тяжёлое оставили на наших смежников. Следующая волна тварей на них будет идти. Это у нас Дурка, мы зарылись, а смежники наверху. Вот не удержат периметр, и всё.

Мужики открутили болты на люке, залили что-то вроде жидкой сварки, наверное, клей эпоксидный. Теперь просто так люк не откроешь. Поставили вокруг и внутри растяжек и написали на броне: «Внимание! Заминировано! Собственность конфедерации Дзен! Схема минирования 2 на 6».

Я спросил:

– Это что?

Мне удивлённо ответили:

– Мы же на фронтире, это не Внешка обдолбанная. У нас каждая броня наперечёт, кроме муров залётных и сектантов укуренных, у нас все с пониманием. Вот, схему пишем, чтобы при разминировании не подорвались.

– И что? Танк не возьмут?

– Возьмут, но если встретим где, то отдадут. Ну, или договоримся. За ремонт заплатим, или выкупят по себестоимости.

– Даже так?

– Хе-х, брат, привыкай к цивилизации! У нас тут всё строго, пиплы друг другу помогают, если человеки, конечно.

Пацаны поглотали пыли, а меня всунули в уцелевшую броню, и на моё предложение разделить невзгоды сделали такое страшное лицо, что я без пререканий влез в люк и сидел тихой мышкой. Доехали на удивление, без приключений – очевидно, твари сбились в орды и просто так не ходили.

Вот уж не ожидал увидеть здесь цивилизацию. Я-то думал, что какой-то наш локальный умелец мобильную сеть открыл, а нет. Тут связь была везде. Оказывается, даже на нежилых стабах стоит вышка мобильной связи. К ней прикручены солнечные батареи, так и работает.

Какие-то сети просто передают сообщения. Девушка говорит елейным голоском: «Вы попали в зону заражения, с вами связывается МЧС, возможно, некоторые граждане будут вести себя неадекватно. Вы это поймёте, поскольку они захотят вам нанести тяжёлые телесные повреждения, укусят. На некоторых их частях тела бывают наросты и т. д.». Станции почти везде объединены в единую сеть. Это, конечно, не как в моём мире, когда стоишь по колено в грязи, с удочкой в руках, в богом забытой деревне и копаешься в смартфоне, но залезть на крышу грузовика и сделать звонок или СМС отправить всегда можно. Конечно, в Стиксе не везде электроника работает, но я впечатлился. Круто тут кто-то очень рулит, прямо хозяин.

Мы приехали. Я думал, меня везут к ребёнку большой шишки, отправили за мной броню, экспедицию целую организовали, но оказывается, шишка приказал объехать со мной все поселения, до которых смогу дотянуться, причём никого особо не ставили в известность о моём умении. Местным просто сказали, что приедет знахарь, который сможет посмотреть более точно, переродится ребёнок или нет.

Быстренько сгоняли детей, кое-кого уговаривал, кое-кого нет. Если был ребёнок как у Насти Лёни, который не хотел пока договариваться, то забирали с собой, и наш караван катил к следующему населённому пункту.

Настроение у меня было препаршивое. Математика, конечно, говорит, что один к ста или один к десяти – есть разница, но вот как-то оно всё равно не очень радует.

Потом заходили в следующее селение и следующее, везде одно и то же. Высокие стены, народ суетится, ждёт орду. Везде крупнокалиберные пулемёты, стены доразвивают, посты укрепляют, ставят колючую проволоку. А мы на своих БТРах едем от одного поселения к другому. Танки у нас сразу отобрали.

Глава 19. Тяжёлое, но нужное умение

– Эльвирочка.

– Как тебя зовут?

– Эльвирочка.

Тяжело разбирать такие длинные имена, когда их произносят трёхлетние дети.

– Поздоровайся с дядей, Эльвирочка.

Беру руку. Просто обычная рука, ничего. Эльвирочка. Они же совсем маленькие, лет трёх и веса килограмм по двенадцать-пятнадцать. Это самый возраст, когда дети начинают оборачиваться. Родители их стараются сильно не раскармливать, вдруг произойдёт чудо и появится волшебная пилюля. И волшебная пилюля появилась. Но, к сожалению, один к десяти, больше не могу. Нет, Эльвирочка, нет. У её родителей, скорее всего, точно не будет белой жемчужины. Улыбаюсь в ответ, маленькие, они всем улыбаются, и вычёркиваю из списка.

– Ванечка.

– Как тебя зовут?

– Ванечка, – и улыбается, я улыбаюсь в ответ.

Ну конечно, у меня, наверное, лицо такое, улыбательное. Вот всю жизнь улыбаюсь, и мне в ответ тоже. Бывает, со мной просто незнакомые люди здороваются – идёшь по улице, смотришь на людей и улыбаешься безо всяких причин, и они думают, что ты их знаешь, и на всякий случай здороваются. Дети чувствуют.

Ванечку тоже вычёркиваю из списка.

Каждый раз разный процент, с кем можно договориться. Где-то, бывает, приезжаешь в посёлок и пополам, а где-то бывает, вот уже какой ребёнок – и ни одного, хотя бы намёк, но нет.

Вычёркиваю из списка следующего малыша.

Эти бумажки отдадут семье через несколько дней после моего отъезда, чтобы всё выглядело серьёзно, и не было погони спятивших от горя родителей. Вот почему детей Стикса называют детскими именами? Сами все они с кличками, а детей называют детскими именами. Может, легче было бы вычёркивать? Нет, не легче, я-то вижу, кого вычёркиваю. Делаю, что могу, но такое у меня сильное, уникальное и страшное умение. Один к десяти, может, один к девяти. Никогда не считал, страшная это арифметика.

Иду к следующему ребёнку.

Вот так и ехали, во всех стабах, всё одинаково. Тебя расталкивают, разговоры с детьми, опять один к десяти, везде крупнокалиберные пулемёты, везде скорострельные 30-ки. Раздражённый, злой, уставший, вваливаешься в БТР, чтобы тебя снова растолкали в новом посёлке.

– А мы о твоих умениях сильно и не распространялись. Ты для всех был лишь очень-очень крутой знахарь, который может более достоверно посмотреть, переродится ребёнок или нет.

Мой сопровождающий, суровый вояка, скорее всего безопасник или что-то подобное, держащий тут всех в ежовых рукавицах, но очень тепло относящийся ко мне, продолжал растолковывать тупому деревенщине, то бишь мне:

– Понимаешь, вот будут знать, что ты сделал или не сделал. Вот не сможешь ты договориться с ребёнком какого-нибудь большого начальника какого-нибудь огромного объединения стабов или конфедерации, или ещё чего. Подумает, что мы специально так сделали. Это мы знаем, что если ты можешь, то сделаешь, не можешь, то скажешь, а он так не подумает – и начнётся. Знаешь, расстроенные родители – это самое хреновое, с кем можно договариваться. Поэтому ты – просто знахарь, который может посмотреть. То есть смысл в том, что ты ничего не делаешь, а просто смотришь. Теперь понятно? Вы за чернотой живёте, а нам тут войны совсем не надо, нам тут и без людей есть с кем повоевать.

Мужики радовались, улыбались, по плечам хлопали, ну конечно, те, кто в курсе. Крут нереально колдуннице животворный. Живчик давали самый лучший, читай «самый крепкий», разумеется, по секретному рецепту – вместо «берёшь коньяк» – «берёшь коньячный спирт».

Я, конечно, улыбался, но настроение оставалось ниже черты, хреновое. Я никогда к этому не привыкну. Мозг знает, а настроение, оно своей жизнью живёт. Очередной переход, я хлебнул живчика, пожевал и спать.

Глава 20. Жадные муры

Меня разбудили грохотом петарды над ухом и ударом деревянного молотка по всем частям тела сразу. Это я так свои ощущения описываю. На самом деле под нашим БТРом или рядом что-то рвануло, и уж не пойми сколько раз меня швырнуло и приложило. Потом кто-то из парней схватил меня за шиворот, выволок из брони и ткнул мордой в грязь. Машина уже была объята пламенем, и я вонял гарью.

Не скажу, что рассмотрел современный бой. Везде взрывы, грохот скорострельных пушек. Враги, особо не прячась, заливали всё по кругу автоматным и пулемётным огнём. Успел только увидеть, что наш БТР горит, и что вытащили меня в чём есть, то есть из оружия один палаш. Я к нему привык и даже спать брал с собой. У нас, на изолированном стабе, с оружием даже в туалет ходят, не шучу.

Почему я так говорю? Потому что сунуть мне автомат, как обычно, не догадались, хотя в БТРе их полно было. Заражённые здесь огромные, и всю работу, как правило, делали крупнокалиберные пулемёты, а сейчас просто мордой в грязь.

На самом деле события происходили очень быстро. С той стороны наших бойцов поджигали. Оставшиеся на ходу БТРы, те, что в хвосте колонны, очень лихо развернулись и начали уходить. Минут десять постреливали из-за свала дороги, высунув башни и перемещаясь туда-сюда. В ответ им стреляли из чего придётся, несколько раз видел выстрелы из гранатомётов. Мой БТР уже хорошенько разгорелся, а минут через десять к нам пришла помощь.

Не скажу точную модификацию помощи. Я разбираюсь в танках времён семидесятилетней давности, потому что как все взрослые мужчины нашего мира, я игрался в «Танчики». Помоему, это «Шилка». Могу и ошибаться, у меня «Шилка» – всё, что советское, а это точно было советское, на гусеницах и с четырьмя здоровенными пушками. Броня выехала и залила всё огнём. Поток снарядов из счетверённых орудий оставлял полосы выжженной земли. Перечеркнул справа налево, потом слева направо и нарисовал пару размашистых запятых. Враги в панике побежали, совсем рядом со мной грохнуло, и по глазам ударила яркая вспышка. Сознание сбежало, свет выключили.

Возвращалось перепуганное сознание постепенно. Руки и ноги связаны пластиковыми зажимами. Меня болтает по кузову несущегося грузовика. Стикс со мной пошутил. Он мне дал величайшее умение договариваться с местными детьми не перерождаться, а дальше начал дарить умения, наверное, выбирая самые издевательские. Я мог нагреть воду на расстоянии нескольких метров до 52 градусов, и я хоть из штанов выпрыгну, но 52 градуса, не больше. У нас термометр был. В кармане заражённого нашли, как брелок для ключей. Мужики по этому прибору самогон варили. Ещё я могу посмотреть вдаль одним глазом, только левым. Я правша, неудобно до жути и для прицеливания бесполезно. Есть ещё пара тупых и издевательских.

И вот что мне прикажете делать? У меня даже сомнений не осталось, кто это. Упакованные по самые помидоры быки, явно обколотые спеком по самые уши. Это точно были муры. Новенькое оборудование, несколько ящиков патронов, загружены ценными вещами, в полном обвесе, даже не пытаются экономить. Повсюду валяется такое снаряжение, что на кластерах бесценно. А зачем заморачиваться? Пару ящиков кишок – и у тебя снова целый грузовик патронов и снаряды.

Надо выбирать, только как? Ноги-руки связаны, и ещё несколько человек в машине. Надо делать что-то здесь и сейчас. А что можно делать? Тихонечко приподнимаюсь, но так, чтобы казалось, что это просто мясо с одного бока на другой перекачивается, а не разведку проводит. Ага! Вот!

Через заднее окошко в кабину вижу затылок командира. Как и положено, ничего нового я не разглядел. Две складки на затылке и слева водила, те же самые две складки, только менее

интеллигентные. Командира надо первым валить. Идея есть, но глупая, а другой нет. Мысленно представляю голову с двумя интеллигентными складками на затылке. Главный всегда прав, вот и возьмём правое полушарие. Делю на четыре части, как учили делать уколы. Так и говорили: «Берёшь нужное полупопие, делишь на 2 части и в верхнюю колешь». Так и сделал. Представил мысленно шприц, поделил голову и нагрел сразу до своих максимальных 52 градусов небольшой участок с монетку, постаравшись засунуть как можно глубже.

Ха! Как подействовало! Командир возмущённо начал отчитывать шофёра:

– Йорш! Коромысло? Теперь собачек можно запрягать. Ты куда Зойку поташил, детина? Ох, доберусь я до тебя... Пиво видишь?

Теперь надо пробовать прижечь водилу. Я на такой эффект как-то не рассчитывал. Командир, похоже, с катушек съехал. Пока все в непонятках, надо быстро-быстро, но левое полушарие. Укольчик, не целясь. Машину повело почему-то вправо и начало трясти. Блин! Вот это мясорубка! Патроны, ящики и железяки разом решили меня отколотить за мою выходку. Они прыгали по кузову и обязательно ударялись об меня. Да, надо было позаботиться о том, чтобы упереться чем-нибудь. Теперь-то, конечно, что, болтаешься как в проруби.

Удар, и ещё один сильный удар. Я лечу и падаю на мужика, тоже связанного, а на меня – тяжёлый мешок, но достаточно мягкий. Рядом плюхается связанная женщина, два мура, которые были с нами в кузове, и немного дальше, слегка проломив борт грузовика, здоровый ящик армейского образца.

Я сознание не потерял, а тут народ мне под спину подкатился. Вроде как и ничего, даже комфортно устроился. Когда под тобой человеки, то падать можно, это когда железяки и ящики с патронами, то некомфортно. Муры, как ловкие макаки, выскочили из кузова и бросились к кабине грузовика.

Через разбитые окна и открытое в кузов окошко слышно, как водила воет на одной ноте:

– Y-y-y-yyyyyyyyyyyyyyyyyy...

Командир говорит что-то нечленораздельное. Фразы строит как поэт, а слова будто в миксере смешали. Пара муров, выскочивших из кузова, заматерилась и перекадилась под колёсами грузовика.

Бум-бум-бум, бум-бум-бум – автоматные выстрелы. Это стреляют из кабины. Просто стреляют. Кого вижу, того и стреляю. Отличная тема!

— Командир, ты чё?

Бум-бум-бум, бум-бум-бум – автоматные выстрелы.

– Вали его, он с крыши съехал!!!

– У-у-у-уууууууууу... – из кабины.

Бам! – одиночный выстрел.

— Это чё было?

– Не знаю, командир по ходу с катушек съехал.

– У-у-у-уууууууууу... – из кабины.

— Кабан, ты чё?

– Y-y-y-yyyyyyyyyyyyyy...

– Слушай, по ходу мы куда-то въехали. У командира с Кабаном крышу сорвало.

– Y-y-y-yyyyyyyyyyyyyy...

– Что с Кабаном будем делать?

– Не знаю, нам по ходу выбираться надо. Валить придётся Кабана. Блин, а с мясом что делать?

– А хрен его знает, может, с собой возьмём?

Бам! – Одиночный выстрел.

А это правильно, ребята, вы придумали, с собой, с собой берите, вы сейчас только сюда зайдите, выбирайте мясо получше. У меня есть что предложить! Мне девки нычку на сапоги пришили ради смеха, не думал, что буду на это серьёзно рассчитывать.

А вообще, ух я! Надо же, какой боец. Мне никогда не приходилось на наших кластерах с людьми драться, а тварям даже на ум не приходило в голове что-то греть. Да и кому? Руберу? И что там нагреется? Хватит ли ему 52 градусов? О, наши пацаны возвращаются, ну, что ж, приготовились...

Со мной ещё два пассажира. Первый – это мужик, на которого я прилетел от удара. Он вращает глазами, скорее всего, у него поломан позвоночник. И женщина. Они все здесь одинаковые, в районе тридцати. Заходят муры. Бам! Мы тут много что видим, взгляд безошибочно определяет того, кто не принесёт пользы. У мужика к поломанному позвоночнику добавилась дырка в голове. Поворачиваются ко мне:

– Ну?

– Наш стаб, пацаны, около самого Пекла. Есть добыча, и вот для таких, как вы козлов, ну или людей поприличней, которые, бывают, потеряшек выводят...

Пнули ногой, без фанатизма, но больно, конечно. Я продолжил:

– Да ладно тебе, это зря. Вот послушай. Введена стандартная такса – пять жемчужин за любого. Пять красных жемчужин. Не больше, не меньше. Если раненый, то на две меньше. Если по твоей вине раненый или у человека с психикой что-то ненормальное, то не заплатят ничего. Хоть ребёнок хозяина стаба, хоть последний наш дурень деревенский, плата будет одинаковая. Это чтобы всех приводили, не выбирали. Потом таким, как вы, дадут два часа на отход, и вас погонит наш спецназ. Сейчас у вас шансов много, уж поверьте, у нас из Пекла твари прут и сильно по лесам и болотам вас гонять не будут. Вот такой способ заработать.

– Ну да. Сказочки! Пять красных жемчужин с кондачка.

– Да. За любого. Вы же не лохи? Или лохи? – увидев интерес, я начал наглеть.

– Слышь!!! – слегка пнули ногой, чисто обозначить возмущение.

– Да-да, самые натуральные.

Пацаны вначале слушают, потом базар прокачивают, а потом смотрят. В натуре, или за базар отвечать надо.

– Ну, ты! Это!..

– У, какой злой! Ты вообще-то развяжи вначале, – настойчиво предложил я.

– С чего это?

– Да ты думаешь, я геройствовать стану? Развяжи старика.

– Хэ! Прямо старика?

– А хочешь, я тебе расскажу, почему коммунисты в ноябре праздник Великой Октябрьской Социалистической революции празднуют?

Два движения ножа, и я свободен. Бандиты и дети живут чувствами и информацию воспринимают крайне специфично. Пока геройствовать не собирался, а они в полном обвесе и с автоматами.

– Вот посмотри на мои сапоги-скороходы.

– Гы-ы... И где ты их взял только? С этого снял, как его, с князя?

– Может, и с князя. У нас терем прилетает из двенадцатого века. Удобные они очень, хотя странные, но мне, старику, можно. Мне их девки расшивали специально. Ты вот внимательно посмотри.

– Чё тут смотреть? Хрень какая-то! Убожище!

– Нет, это не хрень. Вот они такие красные, красивые, бисером обшиты, цвет у бисера какой? Раньше обшивали сапоги золотом, жемчугами, серебряные пряжки. А вот это видишь?

– У-у-у! Ё-ё-ё!

– Вот. Красная. Это аванс к ещё четырём, если целым доведёте. Вы тут за одну такую готовы своих корешей порешить, а у меня на сапогах пришиты. Мы по одной таскаем, если потерялся, с вами, баранами, расплатиться.

– Но-но! – чисто символически обозначили пинок по голени.

– Вот видишь, есть чем поживиться. Срезай, срезай, только аккуратно, сапоги мне не попортить.

Бам! В женской голове добавилась дырка. Ну, извини, тётка. Мы с тобой, конечно, не были знакомы, но мне надо возвращаться, меня ждут, а за тебя я отомщу, наверное.

Вполне логично. Из-за пары потрохов её таскать никто не будет по болотам, а от спецназа с грузом бегать глупо. У меня жемчужина по факту есть, и ещё пообещал. Конечно, мне не поверили, но если не проверят, то себе этого никогда не простят, а тётка однозначно в их планы не вписывается. Состав экспедиции определился. Я, изображающий лоха, некий старик-ботан, и два джентльмена удачи. Беру свой палаш.

– Э-э-э? – один из муров предупреждающе подал голос.

Я вопросительно смотрю. Второй мур тоже удивлённо посмотрел на напарника.

– Штырь, ну ты вообще! Пускай таскает. Хомячка домашнего бояться вздумал. Намордник ещё ему надень и шлейку. Гы-гы-ы.

Я закрепил палаш на поясе. Теперь у меня есть специальное право на ношение оружия.

– Ещё пару автоматов прихватить не помешало бы, – решил я обзавестись и стволом.

– Автоматы и у нас есть. Хочешь, вон бери крупняк и пользуйся.

Это шкаф с интеллектом улитки надо мной так издевается, шутит он. Я крупняк только за ствол волоком смогу тащить. Культурно меня послали и ещё заулыбались неслабо, весело им. Ну значит, буду с палашом таскаться, раз ничего носибельного не дают.

Мы шли по известному только им маршруту. Я примерно описал, где стаб смежников, и рассчитывал решить вопрос уже на месте. Кстати, с этого момента зовите меня – Добрая Милая Баран. А что? Самый натуральный баран! Машина обычно не ходит одна, и это мне надо было, конечно, полежать и проверить. Это просто чудо, что они похватали, кого не добились, в машину, и сломя голову от наших сваливали. Трюк одноразовый. Если сейчас кто-то из них опять гнать начнёт, то первым делом пристрелят некую подозрительную личность. И ещё момент. Машину я под откос вместе с собой пускал, а пристегнуться я подумал? Оправдывает то, что опыта борьбы с вооружёнными преступниками Стикса у меня раньше не было. У меня совсем никакого вооружённого опыта раньше не было. Я только железом в леспромхозе махал, да из пушки доисторической стрелял.

Мне сказочно повезло. Это же надо же, не сложить дважды два. Появление столь странной личности, с сапогами, обшитыми красными жемчужинами, и то, что у командира с водилой мозги вывернуло. Спасает только то, что пацаны явно со спеком перебрали, да и интеллектом небогаты. Вот даже мне, крысе сухопутной, было понятно, откуда ветер дует. Пока размышлял, не заметил, как мне устроили внеплановую тренировку.

Прыжок, отскок, прыжок, отскок. Тварь оббегает меня по дуге, хочет зайти сзади. Тупо. Разворачиваюсь. Рывок, подскок. Вот козлы, они стоят и смотрят, я же не могу показать, что умею пользоваться палашом. Приходится отскакивать ещё раз. Когти почти по лицу, аж ветер почувствовал. Да что они? Им жемчужин не надо? Чуть-чуть замедлить тварь, бью под шею, очень осторожно. Я мог бы снести голову одним ударом, но показывать это двум очень подозрительным и жадным личностям точно не надо.

Отскок, ещё отскок. Шустрая. Они специально, что ли?

Пум-пум – тихий звук глушителя.

– Штырь, ты чё? Ты тупой, что ли? Ща нашего профессора сожрут. И останешься с хреном.

– С хрена ли?

– Вот с этим и останешься!

Так, правильно, меня надо охранять, вот видят же, что у меня в руках оружие, которым я не умею пользоваться. На самом деле я и не собирался далеко не последних бойцов пытаться исподтишка поддеть своим недомечом. Палаш, конечно, оружие особенное, медленное, тяжёлое, против молодых заражённых самое то. Им можно подрубить лапы и шею, а когда на человеке полный обвес, броник не из простых, да ещё и титановые кольчуги поддели под всё тело, то клинок уже не оружие, а сувенир. Видно, с какими-то модными внешниками связались. Классные у них кольчуги.

– Слышь, профессор, а как твоё имя?

– Добрая Милая Крёстная. У нас на кластерах принято друг к другу по имени-отчеству обращаться. Из нескольких слов имя.

– Гы-ы-ы... Добрая Милая Крёстная! Это как у Золушки, которая золотые яички подарила?

Мда-а. Как же они спеком штырятся, что у них столько всего в голове перемешалось? Сказал бы я, откуда у Золушки золотые яички растут, так пристрелят. Вот о чём с ними можно говорить? Так и шли. Они спрашивают, а я пытаюсь что-то ответить, да так, чтобы сразу не пристрелили или прикладом по голове за ответ не отхватить. Молчать нельзя, беседа.

Вообще, у нас целый спецназ разыгрался. У меня на изолированном кластере так – заражённый либо мелкота, либо это проблема рукопашников, а тут всё серьёзно. Они отличают – свежак, бегун, кусач, топтун...

Мы, как индейцы, двигались от кустика к кустику. То Штырь впереди, то его поделеньник. Пройдут, присядут, прислушаются, махнут рукой. Я, конечно, читал в детстве книжки про индейцев, как они с носка на пятку ноги переставляют и сухие ветки обходят, но у нас на кластере я этому не научился. В той жизни я рыбу ловил, а в этой всегда кто-то из рукопашников под рукой был. Так и не научился, хожу как лось, напролом, ещё в своих сапогах красных. На меня шикали, голову пригибали, и такие лица делали, что только близость заражённых не позволяла пристрелить на месте. Короче, всё серьёзно – спецназ, да и только. Нет, не так – два спецназовца пытаются оленя, нет, лося, нет, корову невоспитанную, через лес бесшумно проташить. Корова изо всех сил пытается вести себя тихо, как может. Вот так и шли.

Потом всё менялось. Доза спека, и корова начинала шикавать на доблестный спецназ, хватать за рукава и пригибать тупые головы, шипеть, чтобы те пасти закрыли, на что ей в ответ тупо ржали.

Глава 21. Говорящие с оружием братья

Голова Штыря разлетелась фонтаном брызг, под ногами его напарника разверзлась земля, и огромная лапа ударила между каской и бронежилетом в шею, прикрытую кольчугой внешников. Модную кольчугу, конечно, не пробило, зато очень пробило шею. Полетели кровавые сопли, и через секунду мне в лицо дыхнуло зловонием из пасти мертвяка.

– Какого хрена?

Штырь сзади, а с этим я даже познакомиться не успел!

Зрачки по-кошачьи сузились, и даже голова немного накренилась.

– Так в штаны можно наваливать, и прибьют, подумают, что свежак появился, – объяснил я своё возмущение.

Глаза кваза скосились на мой палаш.

– Он со мной попал, семейная реликвия, культовая, заговорённый. Отнимает энергию всех, кто к нему прикоснётся, ещё деду наговаривали.

Через моё правое плечо, внимательно прислушиваясь, смотрела ещё одна морда мертвяка. Потом мертвяки развернулись, один пошёл впереди, а другой зацепил за ручки на спине у формы Штыря и его кореша, и поволок их в сторону подлеска. Уже почти совсем укрывшись в кустах, мне кивнули, мол, иди за нами.

А что? У меня что на уме, то и на языке. Я про усраться совсем не врал. Ну-ка, из-под земли два огромных мертвяка, перетянутые верёвочками, а на них листики, практически голяком. Это просто у меня реакция среагировать не успела. Я не кваз, а человек, и в спецназе не учился. Ну ладно, так и быть, схожу с вами, я тут уже какой день, а оружия в руках до сих пор не держал, так и брожу со своим палашом древним. Ну действительно, а что тут такого? Успел бы – усрался, а так, просто реакции не хватило.

Меня вывели на полянку, где нас ждало ещё несколько бойцов. Пока моих бандитов раздевали, мне дали поесть и хлебнуть живчика. Палаш никто не отбирал и на меня совсем не обращали внимания. Я бежать не пытался. До Пекла рукой подать, места незнакомые, да и вообще...

Через пару часов неспешного осторожного рейда я прибыл в поселение и был отправлен на допрос к руководителям. Это оказались сектанты, говорящие с оружием и приносящие жертвоприношения какому-то Великому. Уже почти час моя персона сидела в кабинете начальства. Мне рассказывали об обряде поднесения, а я – о своём изолированном стабе:

– Ух ты! Если для того чтобы Стикс был добрым-предобрым, надо было паре дур головы отрезать, это отличный способ. Вот у меня на стабе некоторым дурам приходилось раз в неделю голову вправлять, а может, надо было отрезать? Пусть побегают без головы, курицы неадекватные, – с серьёзным лицом заявил я.

На лице бугра в очередной раз отразилось нешуточное недоумение. Ментат кивнул.

– Странно. Ментат в твоих словах лжи не увидел, – сообщил руководитель.

– Хе, какая ложь! Особенно одна была, курица с ушами. Как её наши девки обидят, так она в лес бежит. Топтунов и кусачей распугает, на дерево залезет и там сидит, сопли на кулак наматывает, плачет. По полдня уговариваю слезть.

Ментат утвердительно кивнул. На меня так посмотрели... Да на меня так Эль-Маринель не смотрела, когда я ей очередную адекватотерапию проводил. А что мне говорить? Охать? Пугаться? Говорю правду, мозголом кивает, а бугор всё равно не верит.

– Так! Хватит! – бугор стукнул открытой ладонью по столу и продолжил: – Сразу скажу, что нам твоё мнение по этому поводу не интересно. Наш Бог даёт нам всё, здесь и сейчас, в отличие от вашего, который требует от вас проверки веры и обещает вам дать всё потом, когда-нибудь, после смерти. Но и условия нам ставят здесь и сейчас.

– Я так понял, вы прикармливаете какую-то огромную тварь, которая рвёт заражённых, а потом собираете объедки? А почему вы для этого не используете скотину, всяких там кошек-собачек? Мы у себя так и делали.

– Ты ничтожен в своих выводах, Бог не хочет просто мяса, Бог хочет жертв, которые понимают, которые слышат, он хочет души.

– Ух ты! Загнули вы что-то, но нам не по пути.

– А я не собираюсь спрашивать, по пути нам или нет. Ты просто не знаешь, что нам до какого-то времени по пути.

– Вот это да! Вы всех скармливаете?

– Не всех, самых лучших.

– Честь-то какая! А можно отказаться? Давайте, я про себя гадостей наговорю, вы даже не представляете, какой я нехороший.

– Судьбы не изменить, скоро в путь.

– А последнее желание?

– Путь человека не прерывается ничем, и желаниями тоже.

– А кормить-то будут?

Бугор с ментатом переглянулись:

– Да. Кормить будут.

Здесь народ на полном серьёзе разговаривал со своим оружием. Не каждый ствол был удостоен такой чести, а твари скармливали только достойных. Бежать было некуда, но меня не притесняли. У них тут столовая: приходишь, берёшь тарелку, в неё накладывают еду и наливают либо чай, либо кофе. Есть компот. Показали место, где мне спать. Оружие не выдавали, но и палаш не забрали.

Попробовал их немного пораздразнить и улёгся на лавку большого дома, прямо на открытом воздухе – удобная, большая и широкая лавка, немного вогнутая – и прикрыл глаза. Маленький детский пальчик потыкал меня в плечо. Я повернул голову и приоткрыл один глаз. Мне сунули одеяло и подушку. Даже так? Я принял постельные принадлежности из рук пацанёнка:

– Спасибо тебе, маленький индеец, сын больших, злобных индейцев, за эти замечательные постельные принадлежности!

Мальчишка кивнул. Выполнив просьбу старших, унёсся по своим мальчишеским делам. Сунув подушку под голову и накинув одеяло, я с чистой совестью задрях, раз уж всё равно улёгся на этой лавке.

Если не знать, что тебя отправят на съедение какому-нибудь монстру, то в принципе не хуже, чем и на нашем стабе, только общественно-политическую работу на меня никто не собирался навешивать. Вот уж долбанные фанатики, ну хорошо хоть кормят, не бьют, и что самое странное, палаш мой не отобрали. С другой стороны, глупо отбирать вещи культа, как я сказал. Может, поэтому и не отобрали. Когда порезали муров, я сразу заявил, что это палаш фамильный, заговорённый на удачу и жизнь долгую – кого палаш тронет, тот мне жизненную силу отдаёт. Стебался, а выходит, в самую точку. Но с другой стороны, может, просто оставили, чтобы не таскать – он тяжёлый.

Здесь такая же коммуна, как и у нас. За тобой даже дети присматривают. За периметр бежать глупо. Сектанты меньше чем в ста километрах от нашего стаба. В этих местах через черноту много дырок. Может, не такое, как у нас на звезде творится, но Пекло ощущается.

Детвора на полном серьёзе учила меня оплетать оружие. Прежде чем ствол начинал говорить с хозяином, его украшали, с ним надо было подружиться, сходить на культурное мероприятие, распить бутылку-другую.

Тут не всё было так просто. Распускаем супер-пуперную галантерею на тонкие кожаные ленточки, как это делала Эль-Маринель, когда оплетала певчие стрелы. Может, у неё, кстати, тоже была система своих узелков. Оружие оплеталось по очень сложной схеме. Каждый узе-

лок говорил о правах и достижениях хозяина. Фактически по плетению можно было узнать о заслугах человека. Кстати, и я имел право выплести на своём палаше парочку очень неплохих узелков. Например, за самое непомерно долгое сидение в засаде, разжигание костра в непо-
ложенном месте, преклонный возраст и сумму лет оружия и хозяина, превышающую возраст говна мамонта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.